

An aerial photograph of a river delta, showing a complex network of dark blue water channels winding through lush green islands and peninsulas. The sky is a clear, pale blue, and the overall scene is bright and vibrant.

**СТАНИСЛАВ  
МАЛОЗЁМОВ**

**разбежались**

**линии**

**руки**

**сборник стихов**

# Станислав Борисович Малозёмов

## Разбежались линии руки

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=70610896](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70610896)*

*SelfPub; 2024*

### **Аннотация**

Я предлагаю стихи некоторых моих авторских песен. Они существуют в виде клипов на YouTube и аудиоальбомов. Исполняю уже много лет свои песни под оркестровки и гитару на разных творческих концертах, размещаю на многих порталах и сайтах, Российских и зарубежных. Самостоятельными стихами представляю их впервые.

# Содержание

Разбежались линии руки	8
Книга жизни	10
Круг	13
Нестрашная сказка	15
Ария Понтия Пилата	17
Баллада о пропащей совести	18
Камни на пути	21
Фантомные раны	22
Суета	25
Колокола	28
Шаг вперёд	30
Хорошо	31
Да бог с тобой!	33
Душа моя	35
Иллюзия	37
Волк и ноги	40
По реке, вдоль берега	42
Про дурака	44
Срок	46
Воля	48
Ей так хорошо	50
Не спится мне	52
Я удивляюсь	54

Время ушло	56
Я живу лучше всех	58
На поле боя	60
Мне стало сниться	62
Не родись красивой	64
Всё пройдёт	66
Эй, наверху	68
Сто лет тому назад	70
Женщина ушла	72
Если ты моя	74
За стеклом	75
Холодное озеро	77
Не с тобой	79
Откуда я иду	81
Игра воображения	82
Госпожа удача	84
Двое	86
Холодно мне	88
Молва	90
Сон	91
Уплывали цветы	93
Былина	94
Поэма о пьющей библиотечкарше	96
Ах, девушки!	100
Горе – не беда	102
Ноктюрн	106

Карусель	108
А, может, повезёт?	109
Помер дед Кобылин	111
Такая Россия	114
Фантазия номер семь	116
Там жили двое	118
Было дело	119
Серенада	121
Грустные дела	123
Вы так в себе уверены	124
Приходи	126
Упадёт роса	127
Давайте вспоминать	129
Переправа	131
Гуляет улица	134
Вот моя деревня	137
Проходит всё	140
Ах, гостиница	142
Чемодан, вокзал...	144
Я жил	147
Бархатцы	150
Элегия	152
Сторож	155
Люблю не могу	158
У дедушки с бабушкой	161
Ах ты, женщина моя!	163

Жизнь моя дешёвая	165
Передовик	167
Паспорт	170
Правда жизни	172
Запойная	175
О любви	177
Влюблённый импотент	179
Всё естественно	180
Он не танцует	182
Слышь, мать!	184
Революционная	186
Прости, маманя	188
Политический больной	190
Играй, баян!	192
Катерина	194
Одна на миллион	196
Очень блатная песенка	198
Сезон охоты	199
Долблю траншею	201

# Станислав Малозёмов

## Разбежались линии руки

моей жене Елене Малозёмовой

**Я предлагаю читателям стихи некоторых моих авторских песен. Они существуют в виде клипов на YouTube и аудиоальбомов. Исполняю уже много лет свои песни под оркестровки и гитару на разных творческих концертах, размещаю на многих порталах и сайтах, Российских и зарубежных. Самостоятельными стихами представляю их впервые.**

**Как бы философские:**

# Разбежались линии руки

Разбежались линии руки,  
Как притоки от большой реки.  
Жизнь моя по ним плывёт – не тонет.  
Самый достоверный документ,  
Лучше дневников и кинолент –  
Тонкие разводы на ладони.

И гадалка, взгляд свой хороня,  
Врёт мне вдохновенно про меня.  
Весело надежды разбивая:  
– На твоих ладонях, се ля ви,  
Нет в помине линии любви,  
Линия судьбы, и та кривая...

Значит, будешь жить, как повелось:  
Наугад, вслепую, вкривь да вкось,  
Долго, безнадёжно, бесполезно.  
И куда кривая заведёт,  
Говорить не стану наперёд.  
Будет жить тебе неинтересно.

Я гадалке ручку золочу-



Всё равно пойду, куда хочу,  
Видели пророков и похлеще!  
Хоть и нахлебался на плаву,  
Хоть и вкривь, а всё-таки живу.  
Столько лет – не больше и не меньше.

Столько лет без груза, налегке  
Вниз плыву по бешеной реке,  
Руки о пороги обдирая.  
Скоро станет не на чем гадать -  
Линий на ладонях не видать.  
Значит, можно жить, не умирая

# Книга жизни

Всю жизнь я верил только в электричество,  
В свой крепкий горб и верность головы...  
А в Книге моей жизни три главы  
И лет страниц огромное количество.

Одна глава – с пелёнок до девчонок,  
Другая – жёны, дети да разводы,  
А третья глава – такие годы,  
Как в дамских книгах – много ни о чём.

Меня крестили при закрытой двери  
Втихую от соседей и родни.  
Мой крест десятилетия и дни  
Я молча нёс, да не донёс до веры.

Вперёд бежали ноги раньше тела,  
Душа хотела радости и славы.  
А я листал через страницы главы  
И не читал того, что не хотел.

Отпрыгал, отчирикал незаметно я  
И лучшие, и худшие года.

Пока не понял: жизнь одна заветная,  
Другой уже не будет никогда.

Но столько лет как утонули в проруби  
И стало жаль, что их не возвратишь.  
Обратно прилетают только голуби  
С любых высот к теплу домашних крыш.

Свой крест к губам я подносил как тост,  
За то, что бог простит и не оставит.  
И мне ещё десяток лет добавит,  
Которые ушли коту под хвост!

Всевышнему, конечно, делать нечего!  
Сейчас пошлёт он к чёрту белый свет  
И будет убиваться: сколько ж лет  
Себе я безвозвратно покалечил!

Свой крест к губам несу в последний раз  
И думаю, ну дал бы хоть три года!..  
Да, бог с ним, год, мне больше неохота!  
Полгода! Месяц! Да хоть лишний час...

Кто мало просит, поступает мудро.  
Глядишь, да что-нибудь перепадёт...  
Ну, например, ложишься спать, а утро,

Когда уже не ждёшь его, придёт.

# Круг

Не сдержать мне, ох! вздоха гордого.  
Не в деревне ж ядох, я ж из города.  
Не месил я навоз и в ночном не пас.  
Я нормально рос, как любой из нас.

Я витрины бил и асфальт топтал,  
И расти к двадцати ну, как конь, устал.  
С головой моей разошлись мы врозь,  
Я скучал по ней, но нормально рос.

К тридцати годам стало некогда:  
То меня зовут, то я сам зову.  
Всё зовут, а пойти просто некуда  
Или только по ложному вызову.

Голова моя, ты прости, вернись.  
Без тебя мне не сдвинуть гружёный воз.  
А на месте стоять к сорока – не жизнь,  
Хоть живу, как все, и нормально рос.

Мы рождаемся долго ещё после маминых мук,  
Натирая мозоли о жизнь и рняя умы.

Мы ползём и не верим, что путь наш всего только круг,  
Что туда и вернёмся, откуда отправились мы.

# Нестрашная сказка

Там шорохи свернулись змеями в углах,  
Там брёвна из стены торчат как рёбра  
И вечерами в дом заглядывает страх,  
Глядит и ухмыляется недобро.

И сто дорог кривых сбегается туда,  
Но время их бурьяном затянуло.  
Ни на одной из них людского нет следа  
И всё живое намертво уснуло.

Там ветер жмётся вбок и солнце не палит,  
Не пахнут травы и не мокнут росы.  
Там вся земля вокруг и ноет, и болит,  
Там всё вокруг себе свободы просит.

И тридцать земель остались позади,  
А впереди лишь кочки на болоте.  
Никто из этих мест живым не уходил,  
А мёртвые подавно не уходят.

И кости их гниют в проклятой стороне,  
Которой нет на карте и в помине.

Нашли они приют в забвенной старине,  
И время не коснётся их отныне.

И добрый богатырь сюда не добредёт,  
Не сдюжит конь, подковы обломает.  
А если добредёт, то что он там найдёт?  
Лишь то, чего на свете не бывает...

Там в доме на горе живут спокон веков  
Погибель вместе с горем бедою.  
И этот дом закрыт на сто больших замков  
И рвом опутан с мёртвою водою.

И не дойдёт туда никто и никогда,  
Но до сих пор мы так и не узнали,  
Что если далеко и горе, и беда,  
То почему они всё время с нами?



# Ария Понтия Пилата

Как хочется однажды вымыть руки.  
Но жизнь сурова, жизнь желанья мнёт.  
Мне снятся сны: несут мне мыло внуки,  
Жена мне полотенце подаёт...

... Но тает сон и годы мчатся рысью,  
Несётся жизнь в водовороте дней.  
Я знаю, виноват я перед жизнью  
И мне не оправдаться перед ней.

Ужасно думать о своей кончине,  
Не потому что всё прервётся вдруг.  
Тревожно мне, но по другой причине:  
Ужель так и не вымою я рук?

Одно лишь утешает. Погребенье.  
На одре смертном вымоют всего...  
И тут оно придёт, моё мгновенье,  
Но жаль, не испытаю я его.

# Баллада о пропащей совести

Засмушалась она, улыбнулась и отвернулась.  
Что такого сказал я – не помню теперь, хоть убей...  
Но ушла, попрощалась и больше уже не вернулась.  
Говорили ведь мне, что мы быстро расстанемся с ней.

Нет на свете печальней, чем эта весёлая повесть.  
Закрутился сюжет, завернулся в тугую спираль...  
То ушла не жена, не подруга, не тёща, а совесть.  
Ну, ушла, так ушла. Сам не гнал, потому и не жаль.

Стал я жить-поживать, да добро наживать аккуратно,  
Не жалеть о пропащей себе дал суровый обет.  
Погуляет, небось, поскулит да вернётся обратно,  
Убедится сама, что надёжней хозяина нет.

Стал я жить-поживать, только зависть тревожит и гложет:  
Рядом люди как люди – у каждого совесть своя,  
Каждый делает с ней, со своей, всё, что хочет и может,  
Но тайком от меня, потому что бессовестный я...

Ну, а я в будуарах теперь появляюсь без стука,  
Где пристойность с пороком в объятых укрылись от глаз,

Где неправда и правда любовно ласкают друг друга,  
Где храпит добродетель без грима и прочих прикрас.

И недавно у них захотел я узнать хоть немного  
Не о том, что за дети плодятся от правды и лжи...  
Мне бы только понять, почему же их всех у порога  
Совесьть смирная ждёт и от них никуда не бежит?

Почему же моя мне насквозь мою душу проела?  
Просыпалась чуть свет и моталась за мною как тень,  
Уставала она, отставала и сильно болела  
На бегу, на ходу, каждый миг, каждый час, каждый день...

И робел я, когда называл кто-то белое чёрным,  
Я глаза опускал, если били меня по щеке...  
Было совестно мне, что родился на свет обречённым  
Я держать журавля, а не только синицу в руке.

Кто-то сильный и злой моей бешеной совестью правил.  
И творил я такое порой, что ни в сказке сказать...  
Превратился я с ней в исключенье смешное из правил,  
Потому что не мог никогда ей ни в чём отказать.

Я такое творил, вызывая вокруг изумленье:  
Что ни слово, то правда, и правда, и только она...  
И горели внизу подо мной, как сухие поленья,

И сжигали меня золотые мои времена...

Хорошо, что ушла. Без неё мне не совестно выйти  
На трибуну, на площадь, туда, где побольше людей.  
Расскажите, родимые, что вы с собою творите  
Вдалеке от плакатов, трибун, и от площадей?!

\*\*\*\*\*

Вот часы на стене отстучали минуты да годы,  
Походил я с мечом, только сам и погиб от меча...  
И спасает меня от любой перемены погоды  
Мой надёжный приют – белый саван с чужого плеча...

# Камни на пути

Ох, не знаю, ребята, куда мы идем.  
Мокнем все в одиночку под общим дождём.  
Сохнем – каждый отдельно развесив бельё.  
Не дай бог второпях нацепить не своё...

Каждый сам в свои сани себя запряжет,  
Сам их тянет и сам вместо лошади ржет.  
А в санях – всё своё по мешкам да кулькам,  
И тепло на душе, и приятно рукам.

Все мы крест свой по разным дорогам несём,  
Жен своих от друзей в отдаленье пасём  
И от верности жены дуреют вконец  
Под арестом своих обручальных колец.

Нас боятся друзья и не помнят враги.  
В одиночку шагая – не сбиться с ноги.  
Хочешь, с левой – назад.  
Хочешь, с правой – вперёд.

Только кто же нам камни с пути уберёт?

# Фантомные раны

Праздник был. А, может быть, и нет.  
Всё как у людей: закуска, гости.  
Гости материли белый свет  
И хорошим людям мыли кости.

Третий час сидели хорошо.  
Но дедок хозяйский всё испортил.  
Он сказал: – Я сочинил стишок,  
Расскажу сейчас, а вы не спорьте.

Только в нём ни слова про любовь,  
Про неё не помню ничего я.  
Вышел мой стишок из горьких снов,  
Из плохого, злого непокоя.

Отгулял я молодость свою  
На «этапах», в «крытках», да на «зонах»,  
За полста восьмую нёс статью  
Крест не свой и кару без резона.

И про эти жалких десять лет  
Под свою дешевую гитару

Я спою всего один куплет  
Каждому на память и в подарок.

Ляпнул он некстати, не к столу,  
Прямо посредине анекдота.  
Но гостям хозяин подмигнул.  
Мол, батянька лишку хватанул,  
Пусть бренчит. Уважим, раз охота...

Взял дедок гитару и запел  
Плохо, в три аккорда, неумело,  
Он куплет не спел, а прохрипел,  
В рифму рассказал, как было дело:  
\*\*\*

« После вечернего шмона друг мой на нарах погиб,  
Кровь подлеца и шпиона ночью спустил в сапоги.  
Не доглядел вертухайщик – как он пронёс ножик свой.  
И вышел на волю чуть раньше рыцарь полсотни восьмой.»

Враг трудового народа, севший за то, что в гостях  
Вспомнил аж три анекдота про дорогого вождя.  
Стал он английским шпионом и загремел в Магадан.  
Так выпьем за наши законы полный гранёный стакан!»  
\*\*\*

Помолчали. Выпили ещё.  
Закусили. Снова помолчали.

Дед сказал: – Ребятки, да вы чё?  
Пейте дальше, чё ж вы заскучали?

Нет теперь-то пятьдесят восьмой.  
Вы её удачно не застали.  
Выпейте под тост последний мой:  
«Что ж ты так с людьми, товарищ Сталин!»

А батянька твой не так уж прост!  
Дружно все хозяина хвалили.  
Десять лет ушли коту под хвост,  
Но его не сбили, не свалили.

Он уже оправился давно,  
Хоть и не забыл судьбы хреновой.  
Налили кто водку, кто вино  
И за деда выпили по новой...



# Суета

Мне тяжело и всегда недолго спится.  
Так спят лишь те, кто неспокоен днём.  
И снится всё, что может поместиться  
В издёрганном сознании моём.  
За целый день  
Короткий, как щелчок.  
За серый день, где суета сует.  
И снятся сны пустые, ни о чём.  
Несёт меня, как щепку по воде.  
А той воде конца и края нет  
И берегов нигде...  
Нет берегов нигде...  
А выше этажом ночами пляшут.  
Там рюмки бьют, смеются и поют.  
Им сил не жаль на жизнь пустую нашу,  
А я ужасно к ночи устаю.  
Всего за день  
Короткий, как щелчок,  
За нервный день,  
Где суета сует.  
Я вижу сны как будто ни о чём:  
Несёт меня как щепку по воде...

А той воде конца и края нет  
И берегов нигде...  
Нет берегов нигде...  
Мои мечты, желанья и старанья  
Не успевают оживать во мне.  
День пролетел, и ночь такая ранняя  
Спускает шторы на моём окне.  
А завтра день  
Короткий, как щелчок,  
Такой же день, где суета сует.  
И жизнь меня течением влечёт,  
Несёт меня, как щепку по воде.  
А той воде конца и края нет.  
И берегов нигде,  
Нет берегов нигде...  
И путаю – живу я, или снится,  
Что всё летит куда-то не туда,  
И что к любому берегу прибиться  
Мне просто не удастся никогда  
За весь мой век  
Короткий, как щелчок,  
За жизнь свою, где суета сует.  
И жизнь сама как будто не причём...  
Плывёт себе, как щепка по воде.  
А той воде конца и края нет.  
И берегов нигде...

Нет берегов нигде.

# Колокола

Верёвка колокольная нагрелась от руки.  
Ох, шум пойдёт, когда её мы дёрнем!  
Сквозь зубы продираются на волю языки,  
Которые недавно рвали с корнем.

Как девушек до выданья их прятали вчера,  
Они при людях и теперь немеют.  
И кроме незабвенного врождённого «ура!»  
Сказать ни слова внятно не умеют.

Нам жарко от желания залезть под купола  
И там сорвать голосовые связки.  
Тем более кричать, когда ревут колокола,  
Мы можем откровенно, без опаски.

Пока мы, безголосые, толпой стоим внизу  
И звона ждём с больших вершин собора,  
Наш колокол опять от нас тихонько унесут  
И новый отольют ещё нескоро...

Времена, времена... То не ваша вина,  
Что как речку до самого дна прихватило вас льдом.

Времена, времена... Есть надежда одна:  
Если лёд – ничего, подождём,  
Лишь не вечная бы мерзлота,  
Лишь не вечная бы мерзлота...

# Шаг вперёд

Я делаю из строя шаг вперёд  
И слышу чей-то голос за спиной:  
«Он слишком много на себя берёт.  
Он нарушает строй!  
В нём первый должен быть  
И должен быть второй!»

Но кажется мне – это я на распутье стою,  
И самый крутой выбираю в судьбе поворот.  
Считайте, что я остаюсь вместе с вами в строю,  
Но каждый обязан однажды шаг сделать вперёд.

Не делайте поправку на азарт, на будущие славу и почёт.  
Ведь чтоб вернуться – нужен шаг назад. Но я иду вперёд!  
Быть первым выбор мой и мой черёд.

И кажется мне – это я на распутье стою,  
И самый крутой выбираю в судьбе поворот.  
Считайте, что я остаюсь вместе с вами в строю,  
Но каждый обязан однажды шаг сделать вперёд!

# Хорошо

Жить хорошо.  
И денег нет,  
И много лет.

Ну, что ещё?  
Мне много лет  
И денег нет...

Ведь хорошо,  
Что я одет  
Как старый дед

Ну, что ещё?  
Я на тот свет  
Достал билет...

Мой век прошел,  
А жизни след  
Плетется вслед.

Жить хорошо.  
Мне столько лет,

А смерти нет...

Ну, что ещё?

Проснуться мне?

И дальше быть?

Как хорошо.

Смерть не шумит,

Чтоб не будить...



# Да бог с тобой!

Когда последние безумные надежды  
Сбегут от вас, как крысы с корабля,  
Не рвите свои нежные одежды,  
Как рвут отживший лист календаря.  
Прислушайтесь, вон ангелы поют!  
Не стыдно согнуть под такое пение.  
Ещё одно мгновение терпенья  
И вы уже одной ногой в раю.

А там уже не надо ни надежд,  
А там уже не надо и одежд...  
Чиста душа в раю да хвост трубой,  
Гуляй да пой себе, да Бог с тобой!

Когда любимая тебя из дома гонит,  
Не лей ты ей печальных слёз на грудь.  
Любовь и смерть – родители агоний,  
Тут, что ни день, то шаг в последний путь...  
Прислушайтесь, вон ангелы поют!  
Ни слова не понятно, ни мелодии.  
Не ангельское пенье, а пародии,  
Да пусть халтурят, ты ж почти в раю!

Отсюда не прогонят, хоть умри,  
Хоть все грехи земные повтори.  
Чиста душа в раю да хвост трубой,  
Порхай да пой себе, да хрен с тобой!

—

Когда друзья тебя в гробу видали,  
Прости друзей, не так уж много их,  
Христа ведь тоже не враги продали,  
Поэтому всегда прощай своих...

# Душа моя

Который день я сам себе – чужой.  
И что со мной – никак не обнаружу,  
Творится что-то странное с душой,  
Не узнаю я собственную душу...

Она со мной уже не говорит.  
Душа моя. Надежда и опора.  
Во мне её молчание горит  
И мучает больнее разговора

И я боюсь, что будет так всегда.  
Ну, что за чудо злое совершилось!?  
Неужто ты попала не туда?  
Душа моя, неужто ты ошиблась?

И в том была трагедия твоя,  
Что ты меня случайно повстречала.  
Неужто нужен был тебе не я?  
Душа моя, ну, что ты замолчала?!

Мне жутко одному в такой тиши!  
В предчувствии печального исхода...

А просто надо камень снять с души.  
Тяжелый камень надо снять с души!  
Который кто-то бросил мимоходом...

# Иллюзия

Живу теперь на облаке как Божия роса  
Над бегом и вращением давно чужих времён,  
Над вихрем исчезающих событий и имён.  
Имею светлость в облике. И верю в чудеса.

Сижу себе на облаке седьмую сотню лет,  
На жизнь то снегом выпаду, а то дождём прольюсь...  
Но даже так, я знаю, что обратно не вернусь  
В своём невинном облике на грешный белый свет.

А, может, мне попробовать с небес росой сойти?  
А, может, лучше ветром мне слететь на вас зимой?  
Тогда вы все поверите, что дух холодный мой  
Затронул весь оставшийся срок вашего пути.

Нет ангелов на облаке и бесов тоже нет.  
Здесь только души грешные, которым несть числа,  
Которых тьма крошечная навечно вознесла  
На тот, живым неведомый, но тот чудесный свет.

Вместили всех покинувших земное небеса  
За миллионы канувших и позабытых лет,

Куда пути обратного по чьей-то воле нет.  
Ну, если не случатся вдруг чудные чудеса.

Но чудеса не ладятся. Всё так же нет моста  
От жизни до бессмертия, а из него назад...  
Придумал я про облако, конечно, невпопад.  
Есть более приятные, волшебные места.

Сижу себе за столиком в дешевом кабаке  
И пропиваю молодость, и жизнью заодно.  
Сплывает с неба облако в кабацкое окно,  
И я на этом облаке – от жизни вдалеке.

Я падаю как в обморок в видение мое.  
Я пропадаю в вечности, я превращаюсь в сон.  
И в пьяной бесконечности меня вращает он,  
И знаю я, что выхода не будет из неё...

Такая вот бессмыслица цветёт в моём бреде.  
Сижу себе, кончаюсь вместе с водкой, не спеша,  
А где-то там, на облаке, живет моя душа,  
А сам-то я, наверное, туда не попаду...  
\*\*\*\*\*

Но обижаться нечего. Проходит праздник мой.  
И уходить пора уже, хоть это нелегко.  
Идти совсем недолго мне. Совсем недалеко.

Там ждет на кухне женщина всю жизнь меня домой.

# Волк и ноги

Кормят волка только ноги.  
Ходят ноги – волк живой.  
Удаётся лишь немногим  
Прокормиться головой.

В голове, конечно, тоже  
Ум, глаза и зубы есть.  
Да вот бегать ум не может,  
Чтоб догнать, поймать и съесть.

Ум иллюзию рождает,  
Будто с помощью ума  
Волк добычу побеждает.  
И бежит она сама

И на завтрак, и на ужин,  
И, конечно, на обед.  
Будто только ум и нужен,  
Важен ум, а ноги – нет.

Но возьми любого волка:  
Кроме горя от ума.



Нету в жизни волчьей толка,  
Если ногу волк сломал.

Если две сломал, то скоро  
Сгинет он, могучий зверь.  
Есть ли тут предлог для спора?  
Так попробуй сам. Проверь.

Ум, конечно, нужен многим,  
А, возможно, всем подряд.  
Только кормят волка ноги.  
Так в народе говорят.

Говорят в народе верно:  
Ходят ноги – волк живой.  
А догонит – ест, конечно,  
Как и все мы – головой.

# По реке, вдоль берега

По реке вдоль берега тянем сети дружно мы  
И осока острая брест ноги голые.  
На сухие плечи нам песню вылить нужно бы,  
Чтоб в жару полуденном по повяли головы.

Только песню общую нам покуда не дали  
И несём мы в памяти каждый ту, что помнится.  
А глядим мы под ноги. Нам сейчас до неба ли?  
Мы давно не соколы, да уже не конница.

Нам сейчас до песен ли? День никак не кончится,  
Полоса песочная за край света тянется...  
Но дойдут до края-то те, кому не хочется,  
Тот, кому не терпится, на песке останется.

Он вращёт коленями в берег этот проклятый.  
Связанный, стреноженный собственными жилами.  
Имя и фамилия, всё при нём. А проку-то?  
Ведь покуда ходится, до тех пор и живы мы.

Тянется-потянется наша сеть невидная.  
Можется-не можется. И без песен ходится.

Выдюжим, но только вот самое обидное,  
Если рыба в речке той уж давно не водится.

# Про дурака

Из какой, никто не помнит, сказки  
Он пришёл с сумой через плечо.  
И его насквозь святые глазки  
Из лица торчали, как из маски,  
А лицом – ну, круглый дурачок.

Гнать такого – вроде бы неловко:  
Мы к блаженным с милостью всегда.  
Бедная, безумная головка,  
Тыковка, пустышка, бестолковка.  
Не вложил господь ума туда.

Ох, садист ты, боже, ох, иуда,  
Раз умы делил не по уму.  
Раздели ты, праведный оттуда –  
Не иметь ума в достатке худо –  
Отними у нас и дай ему.

Чтоб не мог он вслух сказать, что хочет,  
Чтобы, как и мы, имел врагов.  
Чтобы сердце ныло среди ночи,  
Чтоб друзей боялся, между прочим,

Больше, чем врагов и дураков.

Господи, сними несправедливость,  
Дай ему, счастливому, ума.  
Уравняй с людьми его на милость,  
Чтобы жизнь над ним повеселилась,  
А уж как – она найдёт сама.

Только зря мы глотки прокричали –  
Небеса безмолвствуют, увы...  
А дурак с сумою за плечами  
Прёт, не натываясь на печали,  
И лекарств не пьёт от головы...

# Срок

Свой положенный срок я толково отжил:  
Погулял от души, от души погрешил.  
А к концу запечалилась совесть моя,  
Потому как ещё не покаялся я.

Не за то, что здоров, не за то, что живой,  
Не за то, что всё так же дружу с головой.  
За утопших в стакане друзей дорогих  
И за брошенных женщин, чужих и своих.

Грешен в том, что я жизнь проскочил, как умел.  
Не боялся друзей и врагов не имел.  
Я виновен безмерно и грешен вдвойне  
В том, что жизнью своей я доволен вполне.

В том, что зла не держу на жену и страну,  
Что у денег в плену я свой срок не тяну.  
Что ни праздников я не люблю, ни наград,  
И гостей не люблю, и подаркам не рад.

Ох, как сильно душа моя мается!  
Жизнь кончается, всё ломается...

Надо в церковь бегом лбом удариться  
И покаяться, чтоб исправиться.

В храме жарко от свечек, светло от икон,  
Вон и колокол бьёт непонятно по ком.  
Вот поклоны кладу, вот целую я крест  
И томлюсь в ожидании гласа с небес.

И раздался мне глас, хоть крестись и божись:  
«Самый тяжкий твой грех – твоя длинная жизнь.  
Ты прими благодарно прощенье моё.  
Отпускаю твой грех, забираю её».

Ох, как здорово всё получается:  
Всё ломается, жизнь кончается.  
Но самый тяжкий мой грех отпускается.  
Что ж печалиться? Что ж печалиться?

# Воля

Как может, живёт человек без особых примет,  
Без громкого имени, славы и прочих отметин  
Врагов не завёл, потому что врагам не приметен,  
Друзей потому же давно и пожизненно нет.

Живёт он нигде, потому не идёт никуда.  
Не надо ему – всё убого вокруг и нескладно.  
Он счастлив и рад, что покуда не помер, и ладно,  
Хоть жизнь без следа, так то ж ерунда, и всё ж не беда.

Вон яблоки греются в солнечном сонном саду  
И пахнет смолой от недавней на дереве раны.  
Такой здесь покой, что с ума от покоя сойду,  
Хоть разум терять непростительно глупо и рано.

Живу, как могу, не имею особых примет  
И громкого имени, славы и прочих отметин.  
Узнать бы мне самую тайную тайну на свете,  
Зачем я живу столько дней, столько зим, столько лет?

===

А с дикого озера дикие гуси взлетают.  
Взлетают и тают в тяжёлом молочном тумане.



Их след на воде будто снегом туман замедает.  
И ветер их крыльев отравой свободы дурманит,  
Колдует, пугает и вдоль зачарованно манит.  
И рвётся душа моя грешная, но не взлетает.  
Ах, вольная воля, как горько тебя не хватает.

**Как бы сентиментальные:**

# Ей так хорошо

Она старомодна как запах забытых «Клима»,  
Она неуклюжа в век быстрый наш и угловата.  
Любимое время, когда хорошо ей, зима.  
И в прошлом всё лучшее было. Не вспомнить.  
Когда-то...

Она проживает свой срок среди бессрочных вещей  
Одна среди слоников белых из кости слоновой.  
И то, что другими давно позабыто уже,  
Ей кажется чудным, ей кажется радостью новой.

Ей так хорошо среди старой фарфоровой прозы,  
Какую всю жизнь для себя сочиняла сама.  
Она обожает банальные белые розы  
И несовременно от Чехова сходит с ума.

Её невозможно склонить на невинный роман  
С каким-нибудь ухарем – мастером беглого флирта.  
Она, как на скатерти гладь, а под ней бахрома.  
И также нелепа, как свадьба без драки и спирта.

Ей сорок всего, а прожито семьдесят лет.

И тайна в глазах – след от бывшего злого ненастья.  
Она любит запахи роз и домашних котлет,  
И зла не таит за сбежавшее в юности счастье.

В наш мир не желает она появляться сама,  
Менять нелюбовь на любовь. И стихи, и привычки.  
Она старомодна как запах «Шанель» и «Клима».  
С русалкой ковры, абажуры да свечки и спички...

Ей так хорошо среди старой фарфоровой прозы,  
Какую всю жизнь сочиняла с любовью сама.  
Она любит розы, банальные белые розы,  
И так же банально от Чехова сходит с ума.

Она старомодна, как запах забытых «Клима»,  
Она неуклюжа и даже чуть-чуть угловата.  
Любимое время, когда хорошо ей, – зима.  
И в прошлом всё лучшее было. Не вспомнить...  
Когда-то...

# Не спится мне

Не спится мне. Гляжу в окно напротив.  
Четвёртый час, не утро и не ночь.  
В окне напротив молодая тётя  
Совсем одна. И нечем ей помочь.

Да что ж она опять не гасит свет  
И ходит, как шальная, в неглиже?  
И бесит этот маленький рассвет  
В чужом окне на пятом этаже.

Да что ж она, совсем сошла с ума?  
Ну, ладно я, мне нервы ломят грудь.  
Ну, а она не хочет спать сама?  
А может, я ей не даю уснуть?

И я курю, стою курю в окне.  
А ветер гонит искры от окна.  
Обидно только, что не видно мне,  
Она одна, а, может, не одна?

Да что ж она опять не гасит свет  
И ходит, как шальная, в неглиже?

И бесит этот маленький рассвет  
В чужом окне на пятом этаже.

Да что ж она, совсем сошла с ума?  
Ну, я не сплю – мне нервы ломят грудь.  
Ну, а она, не хочет спать сама?  
А может, я ей не даю уснуть?

Но главное – горит напротив свет.  
Не спать всегда найдётся сто причин.  
Причин не спать, наверно, только нет  
У тех, кто спит давно. У женщин и мужчин.

# Я удивляюсь

Я удивляюсь, как малыш,  
Тому, что вижу много лет:  
Мне удивительно, что с крыш  
Стекает ночью звёздный свет.

А капли золотом звенят  
И рассыпаются,  
Но почему-то люди спят,  
Не просыпаются.

Не научусь я никогда  
Без удивления глядеть,  
Как одинокая звезда  
К земле торопится лететь.

Всю ночь над нами звездопад  
Не унимается.  
Но почему-то люди спят,  
Не просыпаются.

Уже никто не повторит  
Звезды единственной полёт.

Но долго свет её горит  
И мне покоя не даёт.

А все мечты мои потом  
Опять сбываются...

Но даже

Этому

Никто

Не удивляется...

# Время ушло

Я уходить не вижу повода.  
И твой приказ мне не указ.  
Там во дворе темно и холодно,  
У нас тепло в последний раз.

А ночь как девочка пугается  
Игры теней в театре тьмы.  
Наш брак под утро расторгается  
В разгар любви, в конце зимы.

И стоит за окном, дожидаясь финала,  
Старый маленький гном, бывший ангел-хранитель.  
И неясно одно: то ли время настало,  
То ли время ушло, как его ни храни...

С утра к тебе пойдут с советами:  
Куда теперь и что потом.  
И как всегда сживут со свету и...  
И как обычно ни за что.

Наш брак скончается безвременно,  
Кладу печальные цветы...



А всё, что было, будь уверена,  
Забуду я, забудешь ты...

# Я живу лучше всех

Я живу лучше всех – в меру сыт, в меру пьян,  
В меру но с табаке, вес нормальный и рост.  
И не чтоб тяжёлый характером я,  
И не чтобы очень доверчив и прост.

Я не прячусь в кусты, я у всех на виду,  
От людей ничего мне не надо скрывать.  
Вот я из дому утром на службу иду,  
Вот со службы домой прихожу ночевать.

Я по бабам бы мог, но давно не хочу:  
Только время терять да расходов вагон.  
Всё, что надо, я дома сполна получаю.  
Ну, а мне-то и надо всего ничего

Мне хватает вполне столько, сколько дают.  
Я доволен женой и оплатой труда.  
В жизнь мою посторонние нос не суют,  
Да и сам уж давно не суюсь я туда.

Что мне лезть в свою жизнь? Упаси меня бог!  
В меру сыт, в меру пьян.

А за то, что с тоски до сих пор не подох,  
Пожалейте меня, пожалейте меня...

# На поле боя

На поле боя брань, на поле брани стон.  
Там в утреннюю рань рваньё душевных ран.  
Как в плохоньком кино кидают сквозь окно  
Два друга-два врага – Она и Он.

А пели птицы с вечера  
На ближней самой веточке  
Свои романсы вечные  
Для мальчика, для девочки...  
И тишина хорошая так тёрлась об окошко,  
Как ласковая кошка,  
Не попадая в дом,  
Там, где жила Она, а вместе с нею Он.

И поросла бельём романтика уже.  
Увит балкон бельём, а за бельём вдвоём  
На грязном этаже живут себе сквозь сон  
Два друга-два врага – Она и Он.

А музыка баллад о радостной судьбе  
Отыграна была, да смолкла и ушла  
В открытое окно к тебе или ко мне,

Которые как все – Она и Он.

И пели птицы с вечера

На ближней самой веточке

Свои романсы вечные

Для мальчика, для девочки.

И тишина хорошая так тёрлась об окошко,

Как ласковая кошка,

Не попадая в дом,

Где плакала Она, а может даже Он.

# Мне стало снитьсяя

Мне стало сниться, как меня хоронят,  
Как в путь последний медленно несут.  
Теперь уже не бросят, не уронят  
И донесут на мой последний суд.

И будет всё не так, как принято от веры:  
Мол, лёг сегодня в гроб – жил праведно вчера.  
Исчезнет глупый такт. И в честь такой премьеры  
Всё скажут прямо в лоб друзья и филера.

Покойник, скажут, был, конечно, не подарок,  
Не соблюдал себя, как надлежит.  
Он столько в жизни налепил помарок  
И потом так рано здесь лежит.

Он как попало ел и что попало,  
Хоть мало пил, но до смерти почти.  
В любви своей и то, пиши пропало,  
Был хам покойник, господи прости!

Ему везло в делах, и это странно.  
Ну, хоть бы раз ему не повезло.

Ведь не любил работать неустанно  
И не умел стараться всем назло.

Не делал культа из стихов и песен,  
Хоть был в стихах, как рыба в чешуе.  
И потому остался неизвестен,  
Как цвет нейтральный в радужной струе.

А вот теперь лежит он тут спокойно,  
Не дрогнет, хоть портрет с него пиши...  
Ему уже не слышно и не больно,  
И помер он, видать, от всей души.

# Не родись красивой

Ты красивой не родись  
Ты счастливой не родись,  
Жизнь такого не простит – отомстит.  
Ну, а если родилась,  
В серый цвет себя раскрась,  
В доме шторы опусти  
И расти.

Там, за шторой жизнь, но в ней  
Принцев нет и королей.  
Там придворные одни да шуты,  
Солнце в пятнах, пол луны,  
Ветер с жаркой стороны  
И тупой иглой все дни вышиты.

Всё за шторами не так.  
Там цена всему – пятак.  
Там и нежная рука нелегка.  
Смех сквозь слёзы, плач сквозь смех,  
Там чужое брать – не грех,  
Там и мелкая река  
Глубока...



В тёмной комнате своей  
Ты печальных слёз не лей.  
Портит долгая слеза не глаза.  
На душе до поздних лет  
Слёз лежит солёный след.  
Сколько выплачешь  
Назад взять нельзя.

Ты за штору не гляди  
И за дверь не выходи.  
Ты себя назло другим береги.  
И спокойно, в никуда  
Поплывут твои года,  
Словно в лужице круги  
От ноги.

Ты счастливой не родись  
И красивой не родись.  
Против этих вечных бед  
Силы нет.  
Это чья-то злая месть,  
То, что ты на свете есть.  
Как пропущенный рассвет,  
Только след...

# Всё пройдёт

Ты сегодня юная, потому и смелая.  
Меньше, чем у Золушки талии объём.  
Светит кожа белая, жизнь светлее делает,  
Как и обаяние нежное твоё.

Ну, а ноги стройные, взглядами точёные  
Тоже к коже с талией добавляют шарм  
И живёшь ты в зеркале надолго заточённая,  
Лёгкая и яркая, как воздушный шар.

Девочка-припевочка, аленький цветок.  
Каждый любовался ей, а сорвать не смог.  
А зеркало старается не прибавить лет.  
И вроде всё сбывается, но лишь одно срывается:  
Тот, о ком мечтается, и не было, и нет.

А ты всё та же юная, зеркалом любимая.  
Золотые локоны да в глазах огонь.  
Но от жадных взглядов ты, утомилась, милая,  
Как с копыт сбивается от долгой пашни конь.

А вокруг всё сыплется, старится да портится.

У подружек талии и мужа толсты.

Но скоро всё наладится, скоро всё закончится

Вот проскочит молодость, отдохнёшь и ты.

# Эй, наверху

Не знаю точно я, забавы ради ли,  
А, может, в наказание, что жив,  
Меня с небес всегда безумно тратили,  
Попутно до зубов вооружив.

Мне кинули с небес ума да разума  
И силы отвалили на троих.  
Да столько ко всему такого разного,  
Что только и молись теперь на них.

На тех, кто сверху знает всё,  
Кто лучше знает, что почём,  
Кто правит указующим перстом.  
Куда идти, зачем и с кем,  
Как строить замки на песке,  
Где дверь открыть ключом, а где плечом.

И сверху путь мой считан и проверен, но  
Не верю тем, кто мерил и считал,  
Хоть им благодаря бегу уверенно  
И вроде бы от ближних не отстал.

Эй, наверху, могучие да трезвые  
Ослабьте вожжи, не стегайте в бок.  
И так вон дни мои, такие резвые  
Бегут быстрее моих уставших ног.

Боюсь я тех, кто знает всё,  
Кто точно знает, что почём  
И правит указующим перстом.  
Куда идти, зачем и с кем,  
Как строить замки на песке,  
Где дверь открыть ключом, а где плечом.

А тут с небес то гром тебе, то молния,  
А на земле то пряник, завтра кнут.  
И я бегом живу себе, но помню я:  
Меня сюда обратно не вернут.

А столько навалилось да не свалится...  
Эй, кто там наверху, остановись!  
Не надо так стараться, всё ж останется,  
Всё будет ваше. Хоть молись, хоть не молись.

# Сто лет тому назад

Мы столько лет вдвоём, а встретились недавно...  
А встретились вчера, сто лет тому назад.  
Что в имени твоём, а уж в моём подавно,  
Что полюбить пора, а не любить нельзя?

Хоть мы уже не помним слов любви,  
Объятий первых или первых вздохов,  
Но всё равно без них безумно плохо  
Любой из двух безумных половин.

И я перед тобою виноват,  
Что очень редко говорю о главном.  
Мы встретились с тобой сто лет тому назад,  
А хочется поверить, что недавно.

К нам забежали в дом, как в гости, дни да годы,  
А кажется уже, что не было гостей.  
И кажется, что жизнь капризнее погоды,  
Что солнце в ней не то да и дожди не те.

Мы встретились с тобой назад лишь пару месяцев,  
А кажется сто лет, а, может, лишь вчера?

Как тяжкая болезнь, любовь почти не лечится,  
И годы для неё плохие доктора.

# Женщина ушла

Понятно всё, но тайн не стало меньше,  
Разрушилась гармония в природе.  
Нам кажется, что мы бросаем женщин,  
А это ведь они от нас уходят.

Вот сохнут наши стиранные вещи.  
Вот на ночь поцелуй, и все дела...  
Но в этом-то как раз и тайна женщин –  
Знать раньше срока, что она ушла.

А, в общем, в этом тайны нет большой,  
Что ничего уже не будет дальше.  
Она задолго чувствует душой  
И потому всегда уходит раньше.

Как хитро вяжет жизнь свои законы,  
Так тонко вяжет – дунешь и порвётся.  
Мы ж кольцами не в наказание скованы,  
Да никому в оковах не живётся.

Вот думаешь: погорячился в прошлом!  
Да и она – чего во мне нашла?



Возьму её да честно завтра брошу,  
А женщина ещё вчера ушла.

Как хитро вяжет жизнь свои законы,  
Да тонко вяжет – дунешь и порвётся...

# Если ты моя

На тебе чужие взгляды плаваются,  
Липнут взгляды, как пломбир в жару.  
Женщина, умеющая нравиться,  
Я тебя учителем беру!

Объясни ты мне, как первокласснику,  
Ты вдолби мне в голову мою,  
Почему я рад тебе как празднику,  
На котором ем тебя и пью?

Пью до дна, но в рюмку опустевшую  
Не скупись и вновь себя налей.  
И тогда на жизнь осточертевшую  
Глянем мы с тобою веселей.

Но с одним вопросом мне не справиться:  
Почему, не понимаю я,  
На тебе чужие взгляды плаваются,  
Если ты – моя?

# За стеклом

На оконном стекле в аккуратной берёзовой раме,  
Как на киноэкране  
Кадры старых потрёпанных лент...  
Жизнь мне крутит всё тот же банальный сюжет,  
Ни конца, ни начала которому нет:  
То закат, то рассвет  
Каждый день, столько лет...

Всё из дома тепло утекло.  
Сквозь стекло.  
Но рассветы от того жарче не стали  
И закаты – полотно расплавленной стали  
Не моим обогреты теплом.

Нет прочнее брони, чем прозрачные три миллиметра,  
Ни для буйного ветра, ни для слов и протянутых рук.  
Сколько этих преград мы воздвигли вокруг!  
Враг в стеклянный наш мир не проникнет  
И друг.  
В заколдованный круг,  
Где ни встреч, ни разлук...

Всё из дома тепло утекло.

Сквозь стекло.

Но рассветы от того жарче не стали

И закаты – полотно расплавленной стали

Не моим обогреты теплом...

# Холодное озеро

Вот уж листья истлели, падая в озеро...

Почему, в самом деле, в озеро?

Почему не летят они стаями,

Хоть и хлопает ветер ставнями?

Хоть и мечется ветер пленником

По бесчисленным нашим улицам,

И огромным своим веником

Подметает с асфальта лужицы.

Почему, непонятно, тихо так

В самый ветреный день осени?

Почему не летят эти листья?

Не летят, а падают в озеро?

Пусть ещё холодней, пусть ветра горячей.

Запах листьев хранят ветви голые...

На размытый закатом степной ручей

Уронила луна голову...

И плывут по ночам медленно

Сквозь печальные сны осени

Листья жёлтые, листья медные  
В голубое, холодное озеро.

В голубое, холодное озеро...

# Не с тобой

Посреди стола камбала,  
Сверху лампа свет сыплет в суп.  
И гитара лепит не в лад,  
Из подружки давит слезу.

Дрожь её залапанных плеч  
Добавляет звона струне.  
Ей уже не встать – только лечь,  
Всё уже теперь только мне.

Я один, ты одна,  
Пей ещё, пей до дна.  
Там, на дне, в глубине  
Утонула луна,  
Под которой с другой,  
С той другой, дорогой,  
Не с тобой  
Отгулял я сполна.

Катится мой камень с души.  
Девочку прибьёт – помяну.  
Я её купил за гроши

И ещё куплю не одну.

Вот она опять налила...

И теперь, хоть пой, хоть не пой,

Мой стакан всегда пополам,

С горем пополам. И с тобой.

Я один, ты одна,

Пей ещё, пей до дна.



# Откуда я иду

Откуда я иду, куда, зачем и с кем,  
Вне графиков и схем дорожного движенья?  
И вопреки закону торможенья  
Следов не оставляю на песке.

Кто к ней мне выбрал путь,  
Но объяснить забыл, что второпях господь назначил ей  
другого?

Что душу ей моё не тронет слово,  
А мне уже назад не повернуть.

Но кто я среди всех, случайных и чужих,  
Идущих вслед за ней с настырностью убогой?  
Мне б обойти её другой дорогой...  
Но нет другой дороги, как на грех.

# Игра воображения

Как странно это было, как смешно –

Игра воображения.

Я в зеркало глядел, но как в окно,

Не видя отражения.

А за окном шёл снег, снежинками звеня,

За звоном вслед бежал мальчишка по снегу.

И показалось мне, как будто это я

Из детства своего бегу.

О как давно, давным-давно

Тот дорогой мне снег растаял.

И как в кино, в немом кино

Мелькнули провода его.

И город детства моего

На память долгую оставил

Мне только в прошлый мир окно

И снег. И больше ничего.

И грустно это было, как назло,

Прощальная истерика.

А всё, что показалось, уплыло,

Как талый лёд от берега.

И лет безумный бег я не остановлю,

И что ушло, никак не вернуть.

Но тот из детства снег я помню и люблю,

Как только я могу любить.

# Госпожа удача

Мой журавль покуда в небе и синица не в руке.  
Мне сейчас хватило бы синицы.  
У меня, как и в кармане, так же пусто в кулаке.  
Ни синицы у меня, ни синей птицы.

А удача чуть не плачет, так удаче нужен я.  
И она за мной не первый год плетётся:  
– Журавля поймать не можешь, так хотя бы воробья,  
Мне к тебе без птицы счастья не идётся.

Не положено удаче приставать ко всем подряд.  
Только к тем, кто отловил хотя б синицу.  
Не поймал – ходи голодный, как в народе говорят,  
Пусть тебе твоя удача и не снится.

Тут задумался я крепко, заблудился в мыслях я:  
Вот живу ж без птицы счастья и удачи.  
Денег мало, счастье есть и есть любимая моя.  
Ну, а это – всё что надо. Не иначе.

Ни синиц, ни журавлей, а я живу в любви своей.  
В настоящей, во взаимной, очень долгой.

Птаха счастья – соловей нам в саду поёт о ней.  
И ловить его ни смысла нет, ни толка.

В общем, это не задача – без удачи жизнь прожить.  
Только ты со мной, любовь, не разлучайся!  
И журавль в высоком небе надо мною не кружи,  
Госпожа моя, удача, не печалься.

# Двое

Играет тихо радио в пустой квартире маленькой,  
Где кроме нас из мебели лишь чайник да кровать.  
И я не помню сам уже, что ты, к несчастью, замужем.  
Да и тебе не хочется об этом вспоминать.

Играет тихо радио, и души наши грешные  
Не чувствуют ни времени, ни боли, ни стыда.  
А ты, такая нежная, на два часа украдена...  
Ах, как бегут, бегут они неведомо куда!

Эх, раз да ещё раз  
Дай бог нам лишний час!

Кому поставить памятник за эту жизнь дурацкую,  
В которой врать и прятаться приятней, чем не врать?  
Мотается наш маятник меж былью и меж сказкою,  
И ни того, ни этого у нас не отобрать.

Жизнь далеко ли, близко ли, но окна так зашторены  
Что ни весны, ни осени, не лета, ни зимы...  
И, отпустив грехи свои на все четыре стороны,  
Украденное поровну с тобою делим мы...

Эх, раз, да ещё раз  
Дай бог нам лишний час...

# Холодно мне

Которая уже по счету осень  
Одни и те же травы ветром косит  
И через крыши листья переносит  
В другое место, где теплее им...

Который год одни и те же дети  
Гоняют по дворам осенний ветер,  
И тот же самый мокрый, желтый вечер  
Опять вздыхает за окном моим...

В какой по счёту жизни было это?  
Горит закат до самого рассвета  
И тихо пропадало лето где-то,  
Там пропадает, где теплей ему.

Но каждый год одни и те же окна  
Под тем же самым серым ливнем мокнут.  
И никакие силы не помогут  
Согреться настроению моему.

Холодно мне  
И мерзнет мокрый лист на окне,



Хоть всё на свете в желтом огне  
Сгорает до весны...  
Холодно мне  
В лиловой от дождя тишине  
И время превращается в ней  
В октябрьские сны...

# Молва

Носит странную молву  
Обо мне далёкий ветер.  
Говорят, что я живу  
Лучше всех на белом свете.  
Говорят, что не пою  
И не помню грустных песен...  
И что ангел мой повесил  
Сто подков на дверь мою...

Видно, вышита молва  
Из непрочной канители.  
А красивые слова  
Вместе с ветром улетели.  
Никогда не заманю  
Я в свой дом весёлых песен...  
Глупый ангел мой повесил  
Сто замков на дверь мою...

# Сон

Я отстал от часов и уснул под рассвет  
Под ночник на подушку роняющий свет.  
И тогда мой уставший заснувший двойник  
В заповедное сонное царство проник.  
И меня больше нет. На четыре часа  
Отлетела душа через щели в глазах,  
Загуляла душа на четыре часа  
В дебрях странного, чистого, вещего сна.

Всё прекрасно там, в этом сне,  
Будто я душой снова с ней,  
С той моей родной и одной.  
И она со мной, и она со мной...

От экватора солнце плывёт в горизонт,  
Через пару часов утро вынырнет в жизнь.  
Что ж так тяжело опять мне со сном не везёт?  
Вот очнусь, вот проснусь, и хоть снова ложись.  
Пусть сегодня не будет реального дня,  
Пусть Морфей не отпустит подольше меня,  
Чтоб душа подлечилась, больна, нечестна  
В светлом облаке доброго вещего сна.

Всё прекрасно там, в этом сне,  
Не во сне я вновь только с ней,  
С той моей родной и одной.  
И она со мной, и она со мной,  
И она – со мной...

# Уплывали цветы

Я не видел такого нигде,  
Было грустным видение это:  
Уплывали цветы по осенней воде,  
Навсегда уплывали из лета...

И судьба их была холодна,  
Как последний сентябрьский вечер.  
Застывает вода в тихой речке до дна  
И цветы сохраняет навечно.

А когда отзвенят холода,  
И от мая схоронятся где-то,  
То уже не увидит никто никогда  
Тех цветов, что уплыли из лета...

# Былина

Эх, силушка-дурнинушка да распирает грудь!  
Эх, деть бы эту силушку да хоть куда-нибудь!

Будет дальняя дорога, дом казённый, стол дубовый.  
Там у самого порога непролазный вырос лес...  
Ночью в лесе стонут совы, ночью двери на засовах,  
Но там, за дверью, мой весёлый, мой бубновый интерес.

Пусть казёнными харчами в доме том гостей встречают  
И никто под балалайку вам не спляшет во хмелю.  
Пусть там стол стоит коряво: криво слева, косо справа,  
А на столе еда – отрава... Я тот дом давно люблю.

В этом доме я не Вася, там я молодец – держись!..  
Пусть другие брагу квасят, у меня иная жизнь.  
Там я меч свой ночью правлю, там я стрелы наточу,  
А с утра коня направлю биться с тем, с кем захочу!

Эх, силушка-дурнинушка да распирает грудь!  
Эх, деть бы эту силушку да хоть куда-нибудь!

Ночью каркают вороны над сожжёнными полями.

А полей тех подле леса и за день не обойти.

Эй, кто бродит возле дома с кулаками да с огнями?!

Был ваш путь сюда, да только – без обратного пути!

Поживу я в этом доме, со стола поем отравы,

Отдохну под совыи вздохи, да пойду в обратный путь.

От корявого застолья ни налево, ни направо,

И не криво, и не прямо, а пойду куда-нибудь.

Будет дальняя дорога, ночь во мраке, ветер в спину,

Страсти всласть, да слишком много, чтобы сон забыть с

утра.

Буду спать, покуда спится. Может быть, ещё приснится,

Что коня кормить пора...

Эх, силушка-дурнинушка да распирает грудь!

Эх, деть бы эту силушку да хоть куда-нибудь!

# Поэма о пьющей библиотечкарше

Бежит, спешит, к концу неделя пятится.  
И сколько в буднях серых ни кружись  
Проходит всё. А в том числе и пятница.  
И я в субботу прожигаю жизнь!

Мне удали с рождения до одури  
Природа отвалила сгоряча.  
Мне всё равно – в огонь нырять ли, в воду ли,  
А богатырь любой мне – до плеча.

Меня природа-мама не обидела:  
Ума в башке! Нет места для волос.  
А денег просто видимо-не видимо,  
И жизнь прожечь до пепла – не вопрос.

И вот в субботу собираю волю я  
В огромный как футбольный мяч кулак,  
Я до смерти гульнуть хочу. Тем более,  
Что уж никто давно не может так.

Но что никто не может жить отчаянно,  
Какой дурак, не думая, сказал?



И пить иду в субботу не случайно я  
В библиотечный храм ! В читальный зал!

Там никого. Там бродят привидения.  
Герои пыльных и увядших книг.  
И тётке, что хранит произведения,  
Без литра водки страшно среди них.

Сидит она культурная и умная,  
Дрожит от призраков годами, но сидит.  
И если б не моя гулянка шумная,  
То лишь дурдом у тётки впереди.

Мы с ней гудим, поём и пьём без закуси,  
Мы жизнь жжем и вместе с ней горим!  
Друг другу книжки выдаём по записи  
И с книжками подолгу говорим.

Один роман, ему сто лет исполнилось,  
Когда я литр выпил – рассказал,  
Что вдруг ему недавно время вспомнилось  
Когда народ ходил в читальный зал.

Когда в библиотеку люди бегали,  
Там книжки брал народ и их читал!  
Я, честно, обалдел от этой небыли

И дал ему в обложку, чтоб не врал.

И зарыдала тётка перед книжками  
И каялась, прощения прося,  
За то, что стали книжки людям лишними.  
И что с них взять? Да ничего нельзя.

Под это горе с ней мы снова горькую  
В себя налили десять раз по сто,  
И чокались с обложкой тома Горького  
Да с детской книжкой Агнии Барто.

Потом уж с ночи под настольной лампочкой  
Читали вслух Гомера до зари!  
Гомер назвал раз десять тётку лапочкой,  
А мне Дюма трёхтомник подарил!

Ну, погулял я! Да в какой компании!  
Флобер, Толстой и вроде даже Блок.  
Они мне жизнь до нормы устаканили,  
А я им всем, чем смог, тем и помог.

Гори огнём моя натура страстная!  
Ни клуб ночной, ни дорогой кабак  
Не то, чтоб не похожи на прекрасное,  
Они с ним не стыкуются никак.

И прожигая жизнь в читальном зале я.  
В субботу я как зверь неукротим.  
Но нет на свете повести печальнее:  
Я много лет хожу туда один.

Ни водка с тёткой, ни поэтов призраки,  
Ни сами книжки напрочь не нужны.

==

Как быстро и надёжно стёрлись признаки  
Побольше всех читающей страны...

# Ах, девушки!

Ах, девушки с безумно тонкой талией,  
С широкою душою, и так далее...  
С запасом тонких чувств на черный день  
Ах, где ж вы, где? Да где ж вы, где?

А у меня «мочалки»», «биксы», «тёлки»,  
А у меня не девушки, а тётки  
С широкой, но, конечно, не душой.  
А мне уже не двадцать и не тридцать,  
Мне легче удавиться, чем влюбиться.  
Но, боже мой, как хочется ещё!  
Эх, Господи, так хочется ещё!

Ах, девушки, руками не помятые,  
Как языки чужие непонятные,  
Которым слово боязно сказать.  
Да где ж вас взять? Где мне вас взять?

Ах, девушки, которым в ноги валяются,  
Которые не сразу раздеваются  
И даже не целуют без любви!  
Да где же вы? Ну, где же вы?

И в голове, бывает, мысли вертятся:  
А, может, мне хоть раз такая встретится?  
А что мечта? Похмельный звон в ушах!  
Гуляй хоть с кем!  
Гуляй, душа!

# Горе – не беда

Вот такая беда.  
Сны мои никогда  
Не сбываются  
Может, сплю я не с той,  
Может, сплю головой  
Не туда.  
И к кому мне с бедой?  
Кто ж такой ерундой  
Занимается?  
Я готов хоть к кому,  
Хоть куда, раз такая  
Беда.

Подсказал мне один:  
–Ты к гадалке сходи.  
Дело верное!  
Пусть колоду метнёт  
Под бубновый с секирой  
Валет.  
Карты сроду не врут,  
В них все тайны живут  
Сокровенные.

А гадалка всегда  
Знает – есть тут беда  
Или нет.

Ну, а что мне ещё?  
Взял гроши, да пошел.  
Делать нечего...  
Сколько счастья во сне  
Жизнь светила, но мне  
Не дала.  
Я не то, чтоб не смел,  
Но просить не посмел  
Счастья вечного...  
Сбылся б сон на денек,  
Да поправить бы смог  
Все дела.

А дела-то – пустяк.  
Но стоят и никак  
Не сдвигаются.  
Всё же сплю я не с той,  
Всё же сплю головой  
Не туда.  
Почему ж мои сны,  
Светлым счастьем ясны –  
Не сбываются?

Всё из дома продам,  
Да гадалке отдам  
Раз такая беда...

Карты ровно легли,  
Карты сразу смогли  
Жизнь разбить  
мою  
На шестерки и дамы, тузы, короли  
И вальты.  
И сказала гадалка,  
Что очень напрасно  
Я думаю,  
Что все беды мои  
От какой – то несчастной  
Беды.

-Ты счастливый вполне,  
И вдвойне тем, что сны  
Не сбываются.  
Спишь, поверь мне,  
Ты с той,  
И ложись головой  
Хоть куда.  
А пустая беда твоя  
Горем простым



Называется.

Ну, а горе, ты знаешь,

Ещё далеко

Не беда

\*\*\*

Вот я счастлив теперь,

Что, проснувшись, про счастье

Не думаю!

Что я с горем моим

Не печалюсь теперь

Никогда.

Столько денег гадалке

Отдал я не зря

За беду мою.

И теперь только горе

Моё у меня

Не беда...

# Ноктюрн

Эх, попасть бы туда бы мне бы,  
Где закаты взрывают небо,  
Расчищая дорогу звёздам,  
Помогая проплыть луне.  
Никогда я в том месте не был.  
Говорят – это просто небыль.  
Да и верить в такое – поздно...  
Но как хочется верить мне!!

Только верить в такое – странно.  
Да не поздно, а, вроде, рано.  
Не прожив на земле и века  
Грезить вечностью – тяжкий грех.  
Но болит моя злая рана  
На душе разорвавшись рвано.  
Только небыль, мой верный лекарь  
Позовёт меня позже всех.

Эх, дождаться бы скоро часа!  
Я мечтаю не так уж часто  
Пролететь сквозь закаты к звёздам  
Мимо света и полной тьмы...

Там и Сашка, мой друг из класса,  
Там родных и знакомых масса.  
С кем не рано и даже не поздно  
Навсегда повстречаемся мы.

# Карусель

Почему тебя так долго, очень долго нет на свете?  
Если есть ты, значит кто-то друг от друга прячет нас.  
Я ловлю тепло ладоней в неподаренном букете,  
И в мельканье лиц похожих я твоих не вижу глаз.

И никто вокруг не знает, что могло с тобой случиться  
В торопливом беге улиц на неведомом пути.  
Дайте вечной карусели хоть на миг остановиться,  
Или я в круженье этом не смогу тебя найти.

И бегут без остановки как игрушки заводные  
Наши годы и минуты, незаметные пока.  
А в большом калейдоскопе закружились дни цветные,  
Витражи, деревья, люди, фонари и облака...

В этом странном лабиринте без конца и без начала  
Нам назначено свиданье в неизвестный день любой.  
Если ждать придётся вечность – знай, что это очень мало.  
Всё равно не разминуться в тесном мире нам с тобой!

## А, может, повезёт?

Ах, как не повезло, что я в душе не лирик,  
Не одухотворён, не одержим мой взгляд.  
И грёб я, как веслом, в вонючем этом мире,  
И с детства лапал баб без спросу всех подряд.

Но что же в том хорошего, когда гитара нежная  
С нетронутыми струнами фанерой провисит  
На стенке запорошенной,  
Полсотней лет завешанной,  
И как руками грубыми её разголосить?

А в прошлой жизни я, похоже, был поэтом,  
Ведь тянет и теперь к бумаге по ночам.  
Но только грустно мне, что думаю об этом,  
Когда проходит ночь, а баба горяча...

А, может, повезёт? А, может, в жизни новой,  
Которая теперь уже недалеко,  
Родитель даст мне всё!  
И трепетное слово!  
С которым поживу и долго, и легко...

Ведь что же в то хорошего, когда гитара нежная  
С нетронутыми струнами фанерой провисит  
На стенке запорошенной,  
Полсотней лет завешанной,  
И как руками грубыми её разголосить?..

# Помер дед Кобылин

Помер дед Кобылин, бедолага...  
Врач сказал, что сердце не жалел.  
Вот и доконала деда брага,  
Быстро помер. Даже не болел.

Скинулись дворами понемногу  
На отпев, на гроб, да на венки,  
Чтобы он последнюю дорогу  
Худо помянуть в раю не мог.

Бабы на крыльце по нём всплакнули.  
Пёс повыл тихонько в конуре.  
Помер дед от водки, не от пули,  
Надо ж так обидно помереть...

А сосед, безногий и запойный,  
Бывший дедов враг и баламут  
Пошутил нечаянно и больно:  
– А все, кто пьёт, когда-нибудь помрут.

Но и тот ведь, кто всю жизнь ни грамма,  
Кто и капли на дух не берёт,

Этот ангел поздно или рано  
А всё равно когда-нибудь помрёт.

Праведно живёшь ты или грешно –  
Разницы для смерти никакой.  
Он бы мог пожить ещё, конечно,  
Да ну кому он нужен был такой!

Злой на всех, непонятый, забытый,  
Никому не сделавший добра,  
Он ведь был нам всем как кол забитый  
Посредине голого двора...

– Вот уж точно! – бабки закивали.  
– Был покойник – бог не приведи!  
Только как мы с ним не воевали,  
А по-людски бы надо проводить.

За селом ему могилку срыли.  
Ком земли на гроб да сверху крест.  
И конфетку рядом положили:  
Может, кто-нибудь из нищих съест.

А когда вернулись – стол собрали.  
Человек ведь, грех не помянуть!  
В общем, перед богом не соврали...



Ну, а где соврали – то чуть-чуть.

– Эх! – сказали. – Жаль не стало деда...  
Так помянем лучше, что он был...

И в начале поминального обеда  
Рюмку водки налили для деда.  
Ту, что он при жизни не допил...

# Такая Россия

Лихая сторона,  
Край молчаливых птиц,  
Невянущих цветов  
И ласковых собак.  
Она не вспоминается, не снится,  
И мне уже не хочется молиться  
За каждый вздох её, за каждый шаг  
Давно уже не плачется никак.

Пути её кривые, да косые  
Петляют сквозь любые времен  
И вязнет в них великая Россия,  
Далекая, лихая сторона.

И пахнет на всю Русь  
Могучий русский дух:  
Врожденный перегар  
И вечный перекур  
Лежит она, никем непобедима,  
Из края в край за жизнь непроходима,  
Умом не понята за тыщу лет.  
На тыщу бед – всегда один ответ:

Пути мои кривые, да косые  
Петляют сквозь любые времен  
Я вязну в них, великая Россия,  
Лихая и весёлая страна.

И гонит лошадей  
Проспавшийся ямщик.  
Хоть некуда спешить  
И нечего любить.  
А сбоку – то берёзка, то рябина,  
То край родной, а то – навек любимый!  
А за околицей я оглянусь,  
Да похмелюсь и снова к ней вернусь!

Пути её кривые да косые  
Петляют сквозь любые времена.  
И вязнет в них великая Россия,  
Далекая лихая сторона.

# Фантазия номер семь

Странный ливень разразился  
С громом, с молнией – бедой  
И на весь народ пролился  
Не простой, святой водой.

Полоскал он наши души,  
Скверну смыл, слизал грехи.  
Кто побыл под этим душем –  
Стал святым, а был плохим.

Все почти святыми стали  
Хоть молись на всех подряд.  
«Божьи слёзы приласкали!»  
Так в народе говорят.

Этот дождь очистил совесть,  
Души чёрные отмыл,  
Но не всем помог он. То есть –  
Тем, кто не под крышей был.

Мокрых ливень делал чище,  
В сердце звон, в глазах лучи.

Ну, а кто сидел под крышей –  
Тот чудес не получил.

Нас под крышей больше было.  
Умный в гору не пойдёт.  
Дома мило. Вот вам мыло,  
Вот вам всем водопровод.

Хочешь – чисть мочалкой душу,  
Душу чёрную свою.  
Хочешь просто пой под душем  
Всё, что в радости поют.

А не чистится, и чёрт с ней!  
Кто нас тронет. Жить вольны.  
Проживём легко и с чёрной.  
Лишь бы не было войны.

# Там жили двое

Так кто же первым невзлюбил жильё?  
Кого из них двоих оно не грело?  
Но стало всё у каждого своё.  
И общее ничто не уцелело...

И не мечутся по стенам тени жёлтые от лампы,  
Не стучат ночные гости в запотевшее окно.  
Только белые сугробы подпирают, как атланты  
Своды призрачного дома, опустевшего давно...

А в доме песен не поют давно  
И по ночам до хрипоты не спорят.  
И если пьют по праздникам вино,  
То больше не от радости, а с горя.

Там жили двое. Дом им был судья.  
Безмолвный и единственный свидетель.  
И так плыла семейная ладья  
По морю человеческих комедий.

А в доме песен не поют давно...

# Было дело

Всё начинается тогда,  
Когда всему пора кончаться,  
Когда не хочется стучаться  
Туда, где сразу скажут «да».  
Всё начинается потом,  
Когда ломиться в дверь не надо,  
Когда опять боишься взгляда,  
В котором взрыв, пожар, потоп.

Было дело, было дело, было всё да улетело.  
Годы выгладили шрамы и сравняли их с душой.  
Бес в ребро, в виски седые. Где ж вы, годы молодые?  
Разбежаться с вами рано, потрепать бы вас ещё.

Но всё кончается всегда,  
Кому в конце, кому в начале.  
Часы полжизни отстучали,  
А ветры дуют не туда...  
И кто-то крест мой понесёт  
Туда, где в дверь стучать не надо,  
Туда, где, оказавшись рядом,  
Проходит всё, проходит всё.

Но всё кончается всегда,  
Кому в конце, кому вначале....



# Серенада

Я, как умею, досуг коротаю,  
Я свой досуг провожу, как могу.  
Гладью и крестиком не вышиваю  
И от инфаркта трусцой не бегу.  
Мне никаких развлечений не надо.  
Трачу на то я свободу свою,  
Что сочиняю для вас серенады  
И под окном каждый вечер пою:

– Вы появитесь на мгновение  
И закрыть поспешите окно.  
Это значит, что вам моё пение  
Надоело до смерти давно...  
Вы появитесь на мгновение,  
Но и этому буду я рад.  
Вы мне дарите вдохновение  
Для дальнейших моих серенад!-

Только зачем же мне всё это надо,  
Сам я себе объяснить не готов.  
Ради холодного вашего взгляда  
Зарифмовал я три тысячи слов!

Стал я давно вашим личным поэтом  
И под окном вечерами топчусь.  
Только пока вы оцените это,  
Я серенады писать разучусь...

# Грустные дела

Такие грустные дела! Она жила себе была...

И с кем-то там по вечерам ей было мило.

Такие грустные дела! Когда себя она несла

Хоть прямо рядышком со мной, но – мимо...

Такие грустные дела! Она всё время мимо шла...

Спросить бы время или что-то про погоду.

Но вспомню, что по вечерам

Ей с кем-то очень мило там...

И всё как в воду!

И всё... Как в воду...

# Вы так в себе уверены

Вы так в себе уверены, увы...  
Вы блещете собой, как на банкете.  
И очень жаль, но если б знали вы,  
Что даже за себя вы не в ответе.

Без вас, увы, решат и вас не спросят,  
Когда вас полюбить когда вас бросить...  
Без вас, увы решат и вас не спросят,  
Когда вас полюбить, когда вас бросить...

И выбора у вас, к несчастью, нет,  
И вас не тот, кто надо, выбирает.  
И ваших неудач холодный след  
Уж не оставит вас и не растает.

Но вы в себе уверены, и пусть!  
Должны же вернуть себе хоть что-то  
За весь ваш не туда пройденный путь  
И, может быть, за что, что вам охота,

Что пусть без вас решат и вас не спросят,  
Когда вас полюбить, когда вас бросить.

И пусть без вас решат и вас не спросят,  
Когда вас подобрать, когда вас бросить.

# Приходи

Приходи. Я тебе покажу, как желтеют берёзы в лесу,  
Как туманы горят над моими седыми степями.  
Я тебе принесу из туманов самую суть  
Этой осени, нашей осени... Приходи!

Ты меня не запомнила, если и видела даже.  
Я твой день в октябре, я твоя не прошедшая грусть.  
И теперь, в январе, ты не вспомнишь и не расскажешь  
Никому обо мне... Ну и пусть!

Приходи! Я тебе покажу, как закаты рвут небо на клочья,  
Как шуршит снегопад над замёрзшими лентами рек.  
Я тебя унесу из туманов, метели и ночи  
Через снег, через снег...  
Приходи!

# Упадёт роса

Почему-то мне очень хочется, чтоб в глазах твоих родилась роса

И, холодная, с твоего лица пролилась слезой на мои глаза...

Росы чистые, слёзы светлые не от горести, а от радости,  
Росы ранние, росы летние... Пусть живут, не сохнут до старости.

Упадёт роса на глаза,  
И сквозь капли эти хрустальные  
Гляну я сквозь время назад,  
В годы первые, в годы давние...

Это всё обман, что не ладится, раз из глаз у нас росы кажутся.

Если солнце в них не туманится, слёзы высохнут – жизнь останется.

Жизнь долгая да не гладкая, то счастливая, то не ладная.  
Но росой чистой отмытая, жизнь и вспомнится, подзабытая.

Упадёт роса поутру

И сквозь капли эти хрустальные  
Я обратно тебя заберу  
В годы первые, в годы давние...

**Как бы ностальгические:**



# Давайте вспоминать

Мы были удивительно похожи  
Пока не стали взрослыми ещё.  
Мы рисовали все одно и то же  
Единственным простым карандашом:

Дом, дым, из трубы плывут колечки,  
Вот кот на раскрашенном крылечке,  
Вот сад возле самого окошка  
В тот дом от ворот бежит дорожка  
Прямо до крыльца.

Мы о рисунках этих забывали  
И красило их время в жёлтый цвет...  
Ах, как мы все прекрасно рисовали  
Ещё пятнадцать, а может, двадцать,  
Назад всего каких-то тридцать лет.

Давайте будем чаще возвращаться  
К тому, что начинаем забывать.  
Давайте с нашим детством не прощаться,  
И будут нам о нём напоминать

Дом, дым, из трубы плывут колечки,  
Вот кот на раскрашенном крылечке,  
Вот сад. Возле самого окошка  
В тот дом от ворот бежит дорожка  
Прямо до крыльца...

Пусть детство нам никто вернуть не сможет.  
У времени назад дороги нет.  
Но будут дети рисовать одно и то же  
И через двадцать, и через тридцать,  
И через много-много-много лет...

# Переправа

От дороги и направо три версты.  
Если бережком, за полчаса на лошади.  
Переправа здесь. А где-то есть мосты,  
Как проспекты, как огромные площади.

А у нас мостов не строят и не строили,  
В нашей местности паром практичней кажется.  
Ведь паромы ввек дешевле стоили  
При своей-то неизменной важности.

Чёрным кофе на дорогу пренебрёг я зря:  
Укачает, утрясёт, замучает.  
Ветер дикую несёт на берег рябь  
Специально к несчастному случаю.

Кто-то в ужасе кивнёт на эту рябь,  
А поглубже глянет – прямо охнет.  
С ветром эта рябь ломает якоря  
Но без ветра, слава богу, сохнет.

Ну, и что ж бояться? Дует в сторону.  
Не потащит ни назад, ни вправо.

И пора уже к отъезду скорому  
Брать билетики на переправу.

Всё изучено, проверено, но час ещё  
До того как старший дёрнет в колокол.  
Этот час потеряян, этот час не в счёт,  
И протащится он боком да волоком.

И захочется пешком пройти по берегу  
И в тоске своей пустынной плюнуть в волны.  
Эх, удрать куда-нибудь в Америку,  
Или дом купить, или «Волгу».

Или если на паром да стюардессу бы,  
Кофейку бы с коньячком, чай с конфетками.  
Стюардессу поприятней бы если бы,  
С человеческими данными редкими.

Чтобы голос был такой нежный и ласковый,  
Не такой, как у паромщицы Трошкиной,  
Чтоб господь не обделил её глазками.  
И, само собой, ручками-ножками.

Вот тогда бы ни в какую Америку!  
Целый день бы пропадал на пароме я.  
А пока хожу-слоняюсь по берегу,

Опасаясь опять опоздания...

# Гуляет улица

Гуляет улица, хилает улица.  
Не надо мучиться, куда пойти.  
А нашей улице какой-то умница  
Нам кабачок хороший замутил.

Там столько музыки с утра до вечера,  
Там столько запахов – сойти с ума!  
И что ни девочка, то делать нечего –  
Она всё сделает тебе сама.

Лабает лирику оркестр пьяненький  
И нотки нежные прилежно врёт  
Про то ли буублики, про то ли пряники.  
Да кто их там, под мухой, разберёт?

И нет желания уйти поранее,  
Хоть завтра явно день коту под хвост.  
Сижу я в голову смертельно раненый  
Всем, что за час официант принёс.

Танцуй неловкая смешная публика,  
От водки смелая до похмела.

Полно у лабухов горячих бубликов.  
Купите бублички, и все дела!

И подавала вам под ноги стелется.  
Карман живой ещё. Давай, крутись!  
А за зелёный вон та разденется,  
Она работает у нас стриптиз.

Сижу я пахнувший бифштексом рубленным,  
Салатом, поданным, как Ассорти.  
И пью тихонечко за всё, что куплено,  
За всё, что я сегодня заплатил.

Я пью за девочку, я пью за лабухов  
И за мента в фойе влуплю сто грамм,  
За то, что мне уже сыграли лабухи,  
Я с удовольствием ещё поддам.

И уходить уже совсем не хочется.  
Весь зал горластый мне давно родня.  
Но только полчаса и всё закончится,  
Дай только бог, до завтрашнего дня.

Опять до вечера одни страдания,  
И завтра снова день коту под хвост.  
Сижу я в голову смертельно раненый

Всем, что за час официант принёс.



# Вот моя деревня

Ах, жизнь, копейка медная,  
А сам я не обласканный,  
Хоть жил совсем небедно я  
С подругой незатасканной.  
Хоть жил ещё недавно я  
Без лишней сбоку проседи,  
Вернула меня в давнее  
Берёза среди просеки...

В моей деревне сломанной,  
Где все дядь Васи вымерли,  
Да тихо так, как вытерли  
Строку в страничке скомканной.  
А кто не помер – пропитый,  
А кто родился – вымахал.  
Да как-то сразу прожитый,  
Как будто поле выпахал.

И под берёзой скорченной  
От мрачного безлюдия  
Небедностью испорченный  
Дышу уставшей грудью я,

А по душе как веником  
Из той берёзы сломанной,  
По памяти разменянной,  
По памяти истоптанной:

Ведь все дядь Васи померли,  
Спились дядь Миши гордые.  
И кто куда – кто по миру,  
А кто поближе к городу,  
Поближе, понадёжнее,  
Где хлеб растёт буханками.  
Где сам живешь не ежиком  
И дети не подранками.

А ставни в окнах сыплются  
И крыши ветром слизаны.  
А позови – откликнется.  
Хоть сверху ли, хоть снизу ли.  
Хоть из земли, хоть с неба ли...  
Куда от жизни деться-то?  
Как из далёкой небыли  
Мое простое детство.

И всхлипов нет по родине,  
Все хрупко, все под богом мы...  
Живу небедно, вроде бы,

Перед своим порогом...

Наплевать на дешевые темы.

Мы за Родину пели и пили.

Да и будем еще, если те мы,

Да и будем. Пока не забыли.

# Проходит всё

Проходит всё. И девочки созревшие  
В меня уже не попадают глазками,  
Тошнит по вечерам от сигарет.  
И крики раздражают во дворе...  
И листья не волнуют облетевшие,  
Облитые посмертно всеми красками,  
Которых для живой природы нет.  
Которых для живых в природе нет...

Друзья мои, придавленные семьями,  
Квадратными стреноженные метрами,  
Давно не вылезают из берлог,  
Голов не студят, не сбивают ног.  
Субботами горды да воскресеньями,  
Да жёнами до неприличья верными,  
Понятными, как книжный эпилог.  
Понятными, как книжный эпилог...

А по ночам беснуется бессонница  
И просят на волю откровения,  
Случайно не уснувшие во мне,  
И я отдам их редкой тишине...

И пусть она строкой моей заполнится,  
Чтоб пожила строка хотя б мгновение.  
Мне этого достаточно вполне.  
Мне этого достаточно вполне...

Цепляюсь я потасканными нервами  
За всё, что на пути моём валяется,  
А намертво никак не зацеплюсь.  
И, кажется, напрасно тороплюсь...  
Мне всё же не догнать ушедших первыми,  
Туда, откуда вновь не возвращаются.  
Так лучше не немного задержусь.  
Так лучше я немного задержусь...

## Ах, гостиница

Ещё кусок луны в окне топорщится,  
Рассвет ещё нескоро, но уже  
Гоняет швабру шустрая уборщица  
На нашем загрязнённом этаже.

И я не сплю, а мой сосед по комнате  
То стонет, то покойницы молчит.  
Он видит сны в своём дремучем омуте,  
А я – в двери торчащие ключи.

Ещё петух не пел, хоть гимн исполнили,  
И грохот швабры всем мешает спать.  
Я надеваю брюки на исподнее  
И застилаю тёплую кровать.

И слышится мне то, что мне завещано  
Во снах лишь слышать, в тех, что впереди,  
Как шепчет мне в моей постели женщина:  
– Куда так рано ты? Не уходи...

Какой тут сон! И вот идём мы бережком,  
И нервы новым днём напряжены.

И гладит меня утро добро, бережно  
Руками чьей-то, не моей жены...

# Чемодан, вокзал...

На вокзале что ни поезд,  
То привет из дальних мест.  
На вагонах пыль степей и грязь обочин.  
Тот, кто дальше едет – занят,  
Ест и пьёт он, пьёт и ест  
Хоть уже не может есть, и пить – не очень.

Страшно пахнет на перроне  
Пятидневной колбасой,  
А из тамбуров несёт прогорклым салом,  
И в тринадцатом вагоне  
Тётка мрачная с косой  
Ждёт – когда уже начать. Косить навалом.

Хоть недолгая стоянка,  
Но народ бежит в буфет,  
Закупает наперёд  
Портвейн и яйца,  
Потому как до столицы километрам счёта нет,  
Без портвейна можно просто не добраться.

На вокзале что ни поезд,



То усталый тепловоз.  
Ни яйца ему, ни курицы, ни водки,  
Ни телушки, ни полушки, ни рубля за перевоз.  
Только тридцать тысяч вёрст  
В четыре ходки.

Что ни поезд у перрона,  
То такая злая грусть:  
В пятнах чая возле окон все вагоны,  
А внутри весёлый, пьяный  
И давно небритый груз  
Ждёт рывка на полустанки, перегоны...

Этот поезд на вокзале  
Будто старая змея.  
Зашипит, вздохнёт нутром и с места тронет  
Сотни фантиков конфетных,  
Пробки, скорлупа и я  
Остаёмся на большом пустом перроне...

На вокзале что ни поезд,  
То всегда не для меня,  
Я хожу сюда страдать и волноваться:  
Вот носятся составы, каждый раз меня маня,  
Мне бы с ними....  
Только некуда податься.



# Я жил

Я жил как рыба в коммунальной сырости  
И лёгкий воздух детства пил всей кожей  
Я засыпал с надеждой утром вырасти,  
Но, к счастью, просыпался всё такой же

Большая блажь непуганой провинции:  
Оркестр духовой в центральном сквере...  
И к танцплощадке, где не продавиться  
Я был приговорён как к высшей мере.

Потом прошло побольше, чем полжизни,  
И вот осталось меньше, чем хотелось...  
И что куда от жизни этой делось?  
И духовой оркестр всё сыграл...

Ах, как тогда легко бежалось из дому  
Под пьяный хрип страдающей сурдинки,  
И каждый вечер тихо перелистывал  
Моих минут весёлые картинки

За танцами, за драками да спорами  
До будущего было далеко.

Но тополя старели над заборами  
И чаще хоронили стариков.

Мелькали люди разные и странные,  
А песни пелись глупые да лёгкие,  
А флаги были всюду очень красные  
И звали далеко края далёкие.

Свободой пах портвейн в столовой «Белочка»  
И стоила свобода рупь да двадцать,  
И в день раз пять меня бросала девочка,  
С которой не хотелось расставаться...

Оркестр духовой играл «Фламинго»  
От «Шипра» вяли клумбы и подруги...  
Мы пальцы в кровь расписывали «финками»,  
С тех пор не забывая друг о друге...

Всё было хорошо, легко и молодо,  
Играла кровь и жизнь бежала рядом.  
И не было ни жарко мне, ни холодно,  
А было всё путём и всё как надо....

И вот прошло побольше, чем полжизни,  
И вот осталось меньше, чем хотелось.  
И что куда от жизни этой делось?

И духовой оркестр всё сыграл...

# Бархатцы

Крутнуть бы всё назад, года в пятидесятые,  
Ещё войной помятые, как морда с похмела.  
И в нището́й проклятые, в года пятидесятые  
Вернуться бы обратно бы, чтоб память ожила.

Обуться бы, одеться бы, как одевало детство  
И тихо оглядеться бы и отсидеть сполна  
В той жизни час коротенький на той облезлой родине,  
С которой родом, вроде бы, которая ушла.

Ушла она, а, может, прогнала,  
И не простит седых моих волос,  
Хоть жизнь моя, спалённая дотла,  
Зовёт меня назад, туда, где рос.

Там бархатцы цвели до самой поздней осени,  
Как будто крошки бросили под зиму для сорок.  
В тепле ли, на морозе ли во времени, как в озере,  
За десять лет, за восемь ли проплыл я детский срок.

И стали мышцы жёсткими, усов пробилась шёрстка...  
Забыв, что не подростками нас мама родила,

Мы на задворках взрослые шабили папиросами,  
Не мучаясь вопросами.  
А родина ушла...

Ушла она, а, может, прогнала?  
И не простит седых моих волос,  
Хоть жизнь моя, спалённая дотла,  
Зовёт меня назад, туда, где рос.

Попёр я дальше всех, друзей терял, как деньги я.  
И стали все отдельные в могилах к сорока...  
От водки ли, от дури ли друзья мои зажмурили,  
И детства не вернули им, а я хожу пока...

Весной сажаю бархатцы на безразмерной даче,  
Но запах их всё дальше, как прошлые дела...  
И всё, как надо, катится, но в том, наверно, разница,  
Что бархатцы всё нравятся, а молодость ушла.

Ушла она, а, может, прогнала?  
И не простит седых моих волос.  
Хоть жизнь моя, спалённая дотла,  
Зовёт меня назад, туда, где рос...

# Элегия

Как долго ждал меня мой дом,  
Тепло своё храня.  
Давно другие жили в нём,  
А он всё ждал меня.  
Всё те же песни ветер пел в натопленной печи,  
Всё те же открывали дверь ключи...

Но то не эхо давних снов  
Домой меня звало.  
Надежда, вера и любовь,  
И старых стен тепло.  
За что же прошлое всегда так долго помнит нас?  
Зачем же мы нужны ему сейчас?

Но видно век короче дня,  
Отпущенного в путь...  
И тех, кто в доме ждал меня,  
Всей жизнью не вернуть.  
И будет дом стоять сто лет, но сколько ни зови,  
Там нет надежды больше, веры и любви.

Что не сплю по ночам?



Что не сплю по ночам  
Объясняет легко медицина,  
Мол, не надо ложась, никогда ни о чём вспоминать.  
Всё понятно врачам.  
До чего же простая причина!  
Но опять улеглась моя память со мною в кровать.

Закрываю глаза  
И она меня тащит обратно  
И добра и тепла, заморочивших голову мне.  
Лет на двадцать назад,  
Где не сытно, не гладко, не ладно,  
Где горели до тла  
Дни мои на счастливом огне.

Дай мне, память, опять  
Ото сна на полночи отбиться.  
Я ещё отосплюсь: ночь без утра не так далеко.  
Я боюсь не узнать  
Улетевшие в прошлое лица,  
И уже не боюсь,  
Что забыть их мне будет легко

**Как бы иронические:**

# Сторож

Шёл ночью сторож мимо дома  
Номер сорок два.  
Сторож был не шибко пьяный,  
Просто шёл едва.

Он бутылку выпил дома  
Со своей женой.  
Он давно не пил давно уж,  
Только с ей одной.

А вот в этом самом доме  
Номер сорок два  
Проживала с другом Колей  
Колина жена.

Он в окне был виден, Коля,  
Со своей женой.  
И выпивал бутылку, что ли,  
Только с ей одной.

– Как же так, – подумал сторож.  
– Вот тебе и на!

Очень жаль, что Маня всё же  
Не моя жена!

А была бы если б, Маня,  
Ты моей женой,  
Мы сейчас бы выпивали  
Лишь с тобой одной.

Постучал, конечно, сторож  
Сразу к ним домой.  
Говорит: – Хотел бы выпить  
Тоже по одной.

Только ты, Микола,  
Можешь выйтить покурить,  
Я жеть только с ей одной  
Собираюсь пить.

Отнесли потом уж люди  
Сторожа домой.  
Говорили, жить не будет.  
Ну а он живой.

Говорит: – Живу покуда  
Со своей женой,  
Или вовсе пить не буду,

Или с ей одной!

# Люблю не могу

Она уж давно не зовёт меня спать,  
А утром уходит – забудет, не будит.  
И пусть меня дома неделю не будет,  
Не будет она меня в моргах искать.

Она ненавидит, когда я молчу,  
Когда не молчу, ненавидит сильнее.  
И как от мороза от злости синееет,  
Когда я шепчу ей, чего я хочу.

Но женщина! Вы бы её видели!  
Настой благородных кровей.  
В графьях вся родня и родители,  
А прадед библейский еврей.

Ах, женщина, радость безмерная  
Вон бёдра – не в сказке сказать!  
А вместо неё мог, наверное,  
Я жизнь с кем попало связать.

Мы с ней уже год и четырнадцать дней,  
Четыре часа и четыре минуты.

Я мою посуду, и в блеске посуды  
Всю жизнь свою вижу и с ней и не с ней.

Она ненавидит, когда я хожу,  
А если сижу, ненавидит сильнее.  
И как от гангрены от злости чернеет,  
Когда я шепчу ей, чего я хочу.

Я понял, что кто-то не думал совсем,  
Когда нас столкнул и не дал разбежаться.  
Но грех мне теперь на судьбу обижаться.  
Когда я пристроен не хуже, чем все.

Она ненавидит меня ни за что,  
А было б за что, то, наверно б, любила.  
И этим меня бы уж точно добила,  
И страшно представить, что было б потом.

Но женщина, вы бы её видели!  
Настой благородных кровей.  
В графьях вся родня и родители  
А прадед – библейский еврей.

Ах, женщина, радость безмерная!  
Вон бёдра – не в сказке сказать.  
А вместо неё мог, наверное,

Я жизнь с кем попало связать.



# У дедушки с бабушкой

У дедушки с бабушкой внучка была,  
Где надо румяна, где надо бела.  
Жила, осторожно невинность неся.  
С невинностью этой ну прям измучилась вся.

Да бабка я ей камнем на душу легла,  
От мыслей опасных её берегла.  
– Гляди, говорит, как мы с дедом живём:  
Не спим, говорит, лет уж тридцать вдвоём.

Ну что ты, дед у тебя бы всегда молодец.  
Не зря ж я пошла с ним тогда под венец.  
Невинность мою он берёт и жалел –  
Три года ко мне, говорит, прикоснуться не смел.

И слушала внучка, мила и тиха.  
И так натурально боялась греха,  
Что бабушка верила: всё на мази,  
Паденье моральное ей не грозит.

А годы, как птицы, им удержу нет,  
Давно уж в могиле и бабка и дед.

И внучка уже не боится грехов,  
Но только вот нет у неё женихов.

Ах, где ж они где, почему не идут?  
Ну, губки у внучки уже не цветут  
И щечки, конечно, уж цветом не те.  
Но дело ведь, граждане, не в красоте.

Не делайте, парни, ошибки большой,  
Ведь внучка ужасно красива душой.  
Не каждый сумеет её сохранить.  
Такую невесту ведь грех не любить.

Но грубо ругались в ответ мужики:  
Пусть просят руки у неё дураки.  
Так кто же купца назовёт молодцом,  
Когда он товар покупает с гнильцом?

И вот уже к старости дело идёт,  
А внучка обет безгреховный блюдёт  
И рада, быть может, нарушить его,  
Да только желающих нет никого.

# Ах ты, женщина моя!

Я ночевать в субботу только к ней,  
Она мой долгожданный выходной.  
За пять моих дурных рабочих дней  
В субботу отдуваться ей одной.

У ней закуски в доме на сто лет,  
И, уходя, сухим пайком беру  
Я всё, что остаётся на столе  
От ночи нашей бешеной к утру.

Ах ты, женщина моя, жаль, что временная!  
Всё равно к тебе попал своевременно я.  
Ведь покуда ты, любимая, есть,  
Есть мне, где попить, поспать и поесть.

Вон грудь торчит из кофты за три штуки,  
Ты вся такая: хочешь, падай, можешь, стой...  
А где ещё найдёшь такие руки?  
На каждом пальце перстенёк,  
А я рабочий паренёк –  
Фуфайка, майка да карман пустой.

Она – в СП бухгалтером, а мне  
Зарплаты не хватает ни хрена.  
Любовь у нас без вздохов при луне.  
Сдалась мне эта чёртова луна.

Вчера поел у ней: ни охнуть-ни вздохнуть.  
Красиво жить никто не запретит.  
Любовь, она пройдёт когда-нибудь,  
Пусть только не проходит аппетит!

Зачем я только нужен ей – не знаю,  
Но, как всегда, в субботу, холостой  
Жене своей с едой я изменяю.  
Кому любовь, а мне паёк,  
Ведь я рабочий паренёк,  
Фуфайка-майка да карман пустой

# Жизнь моя дешёвая

Я иду по городу  
И пою,  
Воспеваю гордо я  
Жизнь свою.  
От машин до творога  
Всё мне в жизни дорого  
И за это я люблю её,  
Милую.

Дорогая моя, жизнь моя дешёвая,  
Я костюмчик куплю, если накоплю.  
Приодену тебя, чтоб была как новая.  
Ну, а новую жизнь я не разлюблю.

Нет без денег роздыху –  
Не беда!  
Есть вон маленько воздуху  
И вода.  
Если пить тихонечко  
И дышать легонечко,  
То до смерти не помрём уже  
Никогда.

Ты, моя хорошая,  
Не горюй,  
Что к тебе желанием  
Не горю.  
Вот скоплю наличные  
На дела на личные,  
И смешную свою жизнь тебе  
Подарю!

# Передовик

Я не пью вообще ни грамма,  
Чтоб проспать – да не дай бог!  
Просыпаюсь утром рано,  
Хрясь сметаны три стакана  
Да скорее за порог.

Нюрка с тёщей спят не чутко,  
Хоть бульдозером дави!  
Эх, была б одна минутка,  
Я б обнял тебя, Анютка,  
Но мне нельзя, ведь труд не шутка.  
А я в труде – передовик.

Раньше всех бегу я утром к гаражу,  
Именной свой трактор ловко завожу  
На Доску Почёта мельком погляжу  
Да скорее в поле на межу.

Эх, гаечки, вы болтики, цепная передача,  
Система подвесная да безотвальнЫй плуг!  
Пускай там Нюрка с тёщей ревнуют или плачут,  
Но мне родимый трактор жена, и брат, и друг.

Трясусь я, пыль глотаю, с гектара полкило,  
Рекорд у нас в бригаде – килограмм.  
Пашу, но как всегда меня в раздумье повело,  
В котором смех и слёзы пополам.

Нет, ну надо ж, в Минсельхозе-то ушами промахали,  
Позволили настроить городов невпроворот.  
Мы б лучше города эти насквозь перепахали  
Под просо с кукурузой, под сад и огород.

А то земля пустует вон, придавлена бетоном,  
Кругом одни музеи, театров штук по пять.  
Мы как-то толковали тут вот с нашим агрономом,  
Он так на них ругался, аж страшно рассказать!

Нет, правда, поглядите, театр Юный зритель  
Гектар почти что занял, и ты его не трожь.  
Не, вы его снесите, гектар перепашите,  
Капусту вон посадите или пли посейте рожь.

Всю жизнь народ скучает по бананам.  
Из Африки такую дрянь вози!..  
А выход есть: уже давно пора нам  
Снести с десятков крупных ресторанов  
И супер-пупер маркет магазин.



Особое же зло библиотеки представляют,  
От книжек пыли, как и на меже  
Пустить под пашню место то, что книжки занимают,  
Редиской завалились бы уже!

Мне этот город только покажи!  
Я ж, блин, ни разу не был в нём с рожденья.  
Но часто снятся эти этажи,  
Музеи, рестораны, гаражи,  
Как мрачное ночное наваждение.

Эх, мало нас ещё на тракторах!  
На трактор гнать и молодых, и старых!  
Я лично жизнь считаю не в годах,  
А строго в перепаханных гектарах.

# Паспорт

Я из широких штанин достаю  
Гордость свою и надежду свою,  
Силы, достоинства эквивалент,  
Самый увесистый мой аргумент.

Мой краснокожий, красивый, большой,  
Сделанный прочно, надёжно, с душой,  
Годный ещё лет на двадцать вперёд,  
Чистый такой, просто зависть берёт.

Всюду ношу драгоценность свою,  
В руки чужие его не даю.  
И не позволю теперь никому  
Даже на миг прикоснуться к нему.

Как же он долго без дела лежал!  
Сам я в руках его редко держал.  
Паспорт, мой паспорт, теперь без него  
Я просто никто, никогда, ничего.

И достаю из широких штанин  
Паспорт, когда подтвержденья нужны.

Вот! Вы не верите? Я гражданин  
Нашей счастливой страны!

# Правда жизни

Я правду жизни черпаю из прессы  
И с радостью читаю, например,  
Что запад скоро доконают стрессы –  
Продукт их слишком шустрой ИТР.

Глядеть противно, что у них творится  
Сплошное ожирение у них.  
Я ж в нашей прессе вижу их лица:  
Ну, там вапще кошмар – на психе псих.

Там психи все и все друг другу волки  
На бургер доллар сроду не займут.  
Зато, смотри, какие кривотолки  
Про нашу жизнь хорошую плетут

Мол, всем нам тут на водку не хватает,  
А на закуску вовсе денег нет,  
Зарплата на квартплату улетает,  
На спички, соль да хлеб. Такой вот бред!

У них о нас ни строчки в интернете,  
А с телевизора всё гадость говорят.

И вруг они про нас в любой газете,  
И слухам верят, гады, всем подряд.

Но верить надо прессе только нашей.  
У нас никто не курит и не пьёт.  
А каждый только сеет, жнёт и пашет  
И на гора стране угля даёт.

Мы все в полях, на тракторах и жатках  
Растим пшеницу с просом круглый год.  
Нам пять минут терять на водку жалко:  
Кто плавит сталь, кто мелет, кто куёт.

И на кого ни глянь – вся грудь в медалях,  
В кого ни плюнь – на каждом ордена.  
На западе такого не видали.  
Любую взять страну – не та страна.

А наша нас и любит, и лелеет,  
И за любовь не просит ни гроша.  
Весь наш народ от счастья просто млеет.  
Так пишет пресса, добрая душа.

И я правду жизни черпаю из прессы.  
Живём мы все прекрасно без прикрас  
Пахать и сеять – наши интересы,

А больше интересов нет у нас.

Живём мы от полочки до полочки.

Нам их дают в любые времена.

А то, что где-то там живут получше,

Так это нам не надо ни хрена.

# Запойная

Всю неделю я деньги свои пропивал.  
Я гудел, я тащился и кайфовал  
И с дивана сползал, а обратно не мог  
И гулял по квартире на всём кроме ног.

Бился всем обо всё, остальным об себя.  
Сколько, гадство, в квартире предметов!  
Что на всё натыкался, так это судьба  
И дурная зараза при этом.

До двери доползу да замок погрызу,  
Перекрыли мне доступ до воли.  
И водяру как курице корм привезут  
По часам, что обидно до боли.

Ох, не лезет, зараза. Не лезет, не прёт.  
Весь навыверт, как в стирке рубаха.  
А рука, хоть танцует, но всё же берёт  
Провонявшую водкой рюмаху.

Что там завтра? Какой уже стукнул денёк?  
И денёк вообще, не иначе?

Для чего ж я , зараза, заначку берёг,  
Если сам позабыл, где заначил?

Утро пахнешь одним – сигаретной трухой  
И носками, не снятыми к ночи.  
Да не первую ночь, вот и запах плохой  
И носки не причём, между прочим.

Этот запах поганый идёт из души  
И плюёшь, задыхаясь, а дышишь.  
Вот попробуй, кто хошь, мою жизнь опиши.  
Вот те хрен, вот те два, – не опишешь.



# О любви

О любви опять на ветке птичка верещит,  
А окном резвятся девки, душу теребя.  
Эх, успеть бы до субботы выдавить прыщи,  
Чтоб красивым появиться в доме у тебя.

Третий день дурное сердце рвётся от тоски...  
Говорят, любовь бывает в жизни только раз.  
Эх, успеть бы до субботы выстирать носки,  
Потому что разуваться принято у вас.

Эх, любовь моя шальная – дым да суета!  
За тебя готов я днём и ночью воевать.  
Удалить бы мне к субботе запах изо рта,  
Чтобы мог тебя спокойно я поцеловать.

Всё равно ж пойдём по жизни рядом мы с тобой.  
Пусть любовь оберегает нас всегда в пути!  
Только б кончился к субботе у меня запой,  
Потому что очень трудно пьяному идти.

Мне любовь моя поможет всё преодолеть.  
Только вспомню про тебя я, враз бросает в дрожь.

Перестать бы мне к субботе сильно так потеть,  
И приличней жениха ты сроду не найдёшь!

# Влюблённый импотент

Мечь! Страшная мечь!  
Основания есть, есть у меня.  
Жись! Хошь ты в ямку ложись,  
Хошь верёвкой вяжись,  
Жись у меня...

Она загуляла, запила,  
Про меня позабыла  
Совсем...  
И всем, детям даже  
Грозит, что расскажет, что я импотент.

А я без неё, как без хлеба,  
Без неё, как без неба,  
На земле журавель...

Теперь отомстить мне всем там бы,  
Всем, кто не импотенты.

Только чем отомщу я теперь?

# Всё естественно

Всё естественно в природе,  
Не в ней места чудесам.  
Растворился я в народе,  
Где я есть, не знаю сам.

То ли в очереди сгинул,  
То ль в больнице жертвой пал,  
То ли больше нормы принял,  
Прикорнул и всё проспал.

Вон товарищ млеет в кресле,  
Слово ценное жуя.  
Как бы клёво было б если  
Тем товарищем был я.

Я бы тоже постарался  
Нагулять и рост, и вес.  
И тогда б не потерялся,  
Не пропал и не исчез.

Почему ж я не начальник,  
Не таксист, не продавец,

Не посол чрезвычайный,  
Не гаишник, наконец?

И с кого мне стричь купоны,  
Если все стригут с меня?  
И хорошие законы  
От Закона их хранят.

А всё чего-то происходит  
На земле да на воде.  
Я пока не помер, вроде,  
Только нет меня в природе,  
Нет вообще меня нигде.

# Он не танцует

Чего же, говорит, ты не танцуешь,  
Чего же ты песен не поёшь, не воешь?  
Чего же, говорит, ты любишь  
Чего же, говорит, ты хочешь?

Какую же тебе подругу,  
Кого позвать на завтра в гости?  
Какую хочешь слушать ругань,  
И чьи ломать по пьяне кости?

И, может, говорит, на праздник  
Ты не найдёшь себе получше.  
Скажи: меня забудешь разве?  
Всё, что захочешь, ты получишь.

И, может, говорит, ты сможешь  
Меня любить не только в этот вечер?  
И, может, говорит, я тоже  
И, очень вероятно, вечно.

А я сижу, как прежде, не танцую.  
И песни застревают в глотке.

Я вовсе не хочу другую –  
Мне просто очень мало водки!

И где-то тихо шепчет разум:  
Уйти пора, уйти туда, где лучше.  
И я уйду. Но я уйду не сразу.  
На всякий случай, на всякий случай...

# Слышь, мать!

Обещал тебе не врать, мать?  
Вот клялся я тебе не врать, мать?  
И сегодняшнего дня, мать,  
Я не помню, как меня звать.

Я последняя свинья, мать,  
Рожа наглая моя, мать.  
Вот ложусь опять в кровать, мать,  
Но ведь вряд ли я смогу спать.

А потому что на душе-то клин:  
Да что ж я, мать, тебе всё вру, блин!  
Ведь по правде-то сказать, мать,  
Ну, не хочу тебе совсем врать.

Ну, и ты ж меня пойми, мать,  
Если всё тебе, как есть, сдать,  
Так ты же первая сама, мать,  
Не поверишь мне опять, твою мать!

А как снова я совру, мать,  
Что ж опять мне от тебя ждать?



Кто ж я буду для тебя, мать,  
Если я не прекращу врать?

И вот лежу, а на душе-то клин...  
Да что ж я, мать, тебе всё вру, блин?!  
Да чем так жить, мать, удавлюсь к утру!  
Испугалась? Ладно, спи. Вру.

# Революционная

Лейтесь песней три аккорда!  
Я звучу сегодня гордо!  
Был вчера второго сорта, а проснулся первачом.  
Век свободы не видали. Слава богу, волю дали  
И послали к светлой дали с обновлённым кумачом.

Как в семнадцатом году,  
Шаг печатая иду,  
Повторяя на ходу резолюцию,  
Что назрел момент:  
Через семьдесят лет  
Надо делать опять революцию.

Потому что нам опять  
Больше нечего терять,  
Даже собственных цепей не имеется.  
И как в прошлый раз  
На сознательность масс  
Государство родное надеется.

Мы не винтики в машине,  
Будет так, как мы решили.

Старый мир до основанья раздолбать нам не впервой.  
В этом мы давно не дети,  
Раздолбаем всё на свете,  
Кто рабочими руками.  
Кто ученой головой.

Мы не ходим больше строим,  
Не гордимся нашим строим.  
Мы наш новый мир построим,  
Было б только из чего.  
Доведём до развитого,  
До великого, святого,  
А когда поросят снова,  
Раздолбаем и его.

# Прости, маманя

Прости, маманя, дурака,  
Влюбился в тёлку из комка,  
Хоть обходил я тот комок,  
Как только мог.  
Но там не баба, а магнит.  
Гляжу, и всё торчком стоит –  
И воротник, и на макушке хохолок.

Эх, судьба, моя судьба, меня погладь.  
Эх, судьба, меня, судьба, не губи!  
Как влюблюсь, так обязательно в б...,  
Хоть, ей-богу, век живи – не люби.

А у неё, что есть в комке,  
То липнет к тёпленькой руке.  
И фраерок один прилип на БМВе.  
Куда там мне на москвиче,  
С блатной наколкой на плече,  
Да с ветерком в маленько лысой голове.

Вот как бы был бы я ментом,  
Так стал бы первым ей кентом.

Одна фуражка, блин, да пушка на ремне.  
Да под такой крутой прикид  
Пускай хоть всё огнём горит,  
А повлечёт её, кудрявую, ко мне.

Но я ж не мент, я мелкий вор,  
По нашим временам позор.  
Уже седой, а стаж пять лет квартирных краж.  
Да десять лет на кичманах  
И лейблов нету на штанах  
И вообще не для романов антураж.

А тёлка сладкая в комке  
И с бриллиантом на руке.  
И хоть клеймо, конечно, некуда лепить  
Влюбился, гадство, хоть топись.  
Ну что за сука, эта жизнь?  
Спасибо, сердце, что умеешь так любить!

# Политический больной

За страну я болею хронически  
Без надежды на выздоровление.  
Я тяжёлый больной политический  
И страдаю от смелости мнения.

Я такое, бывает, подумаю!..  
Хоть с повинной беги, куда следует.  
Только вслух говорить, на беду мою,  
Мне болезнь моя не советует.

Но с друзьями моими по смелости  
Мы на кухне открыто встречаемся.  
И своей политической зрелости  
Друг от друга скрывать не пытаемся.

Ах ты, кухня, трибуна народная,  
Без тебя бы совсем онемели мы.  
Без тебя нашу смелость природную  
Мы совсем растолкать не сумели бы.

Кроем правду мы все героически,  
Кран на кухне открыв предварительно.

А вот это уж точно хронически,  
А вот это совсем удивительно!

А сейчас это странно, тем более...

Кто же знал, что нам столько позволятся?

Всё бунтую в кухонной неволе я.

И так хочется выйти, да колется.

# Играй, баян!

Хоть и против вся родня –  
Дело верное!  
Что с того, что у меня  
Ты не первая?  
Не вторая к маме в дом  
И не третья.  
А смотрюсь с тобой орлом  
На портрете я.

Ну, так я ж орел и есть –  
Птица гордая.  
И всегда найду, где сесть-  
Место твердое.  
А лечу, куда несет,  
Крылья прочные.  
И покуда вижу все -  
Днем ли, ночью ли.

А уж как-нибудь потом,  
В девять месяцев,  
Что там будет – хоть потоп,  
Все поместится!



Я б не жил с тобой ни дня,  
Да сразу скажешь ли?  
Мне ж нужна твоя родня,  
Чтоб уважили!

Коли выбрали в мужа  
– Все повязаны.  
Мы с родней теперь одной  
Водкой мазаны.  
Узы брачные святы,  
А ночка летняя.  
Ох, не думай то, что ты  
Не последняя!

Эх, играй, баян, играй,  
Лей аккорды через край!  
До костей моих гостей,  
До нутра их пробирай!  
Пробирай их до нутра,  
Чтоб до самого утра,  
Чтоб под «горько» да «ура»  
Длился рай!

# Катерина

Зимою за полночь с попутными не катит,  
Такси меня боятся: им видней.

Я, что ни ночь, тащусь всегда от Кати,  
И, что ни день, тащусь обратно к ней.

То прусь домой с тяжёлой арматурой,  
Защитой т собак и от шпаны.  
Я скоро стану волевой натурой  
И буду знать, заем ношу штаны.

Ведь шастать ночью – тоже дело чести,  
Угроблюсь сам – целее будешь ты!  
А утром возвращаюсь – ты на месте,  
А на подушке столько пустоты...

А помнишь, ты меня тогда обматерила,  
Когда я взял на грудь три раза по ноль-пять.  
Я встать тогда не мог с кровати, Катерина!  
А ты меня: всё в бога, в душу, в мать...

Да так ругала, то ушёл я ночью  
С тяжёлой арматурой на горбу?

И с той поры тебя я, между прочим,  
И честь твою видать хотел в гробу!

Эх, что ж ты, Катерина, Так рано озверела?  
Я ж уходить от бабы-то ночами не привык.  
Ну, сбережешь ты честь! Оно святое дело!  
Так я с ночных прогулок уж скоро не мужик...

Уже весна, с попутными полегче,  
Берут железный, не спросив, куда.  
Да сам я стал уже заметно крепче,  
Ну, крепче, чем Сталлоне да Ван Дамм.

Ношу я по привычке арматуру,  
Но близится развязка... Что ловить?!  
Я арматурой грохну тебя, дурру,  
Чтоб честь твою навеки сохранить!

# Одна на миллион

Я просыпаюсь от движения ключа  
В несмазанном замке соседской двери.  
Сосед девчонок водит по ночам,  
Ему любая ночью честно верит,

Что дома у него полно конфет,  
Что кофе лучше, чем в любом кафе,  
И что как раз такая как она  
На миллион встречается одна.

Она одна, но как всегда не та.  
Но в этом горе нет его вины.  
А есть мечта, высокая мечта,  
Чтоб отпуск был подольше у жены

И я не сплю уже. Я думаю о нём.  
Какая жизнь! Без промаха все ночи.  
Ко мне ж никто не ходит даже днём,  
И даже позвонить никто не хочет.

А может дело вовсе не во мне,  
А дело, может быть, в моей жене.

Такая злая тётка как она  
На миллион встречается одна

Она одна и уж давно не та.  
Но в этом горе нет моей вины.  
А есть мечта, высокая мечта,  
Чтоб отпуск был скорее у жены.

Жить стало радостней, жить стало веселей,  
Хоть женщины всё реже и капризней,  
Я обновляю шкуру по весне  
Как будто у меня пятнадцать жизней.

И в каждой у меня полно годов,  
И я всегда как пионер готов.  
Готов я ждать, что встретится она,  
На миллион конечно же, одна.

Она одна, но вдруг опять не та!  
Так в этом горе нет моей вины,  
А есть мечта, высокая мечта.  
Чтоб отпуск не кончился у жены...

# Очень блатная песенка

Я не качался, не тянул, наколкой грудь не пачкал,  
Не фразерился на бану, на шмарах не горел,  
Не лез я в сламу к пахану и не косил на спячку,  
И на паше поутру по полчаса не прел.

Меня глоты не гнали с нар и кум не пас напрасно,  
Я у хозяина в шнырях, как сямка, не ходил,  
Не жухал вяло после сна, не киксовал опасно  
И на перо пока никто меня не посадил.

Я не щипач и не ширмач, по хазам не малинил,  
Не марафетил мокрых ксив, барыг не почитал...  
Вообще, детский врач в одной из поликлиник.  
Я просто новый детектив недавно прочитал

# Сезон охоты

Зовут её то Люся, то Наташа, то ли Маша.  
Зовут её по-разному и разные, но вот  
Зовут её не важно как, но вот, что очень важно:  
Куда её, когда её и кто её зовёт.

Сезон охоты к перемене мест  
Чужих квартир, кроватей и имён  
Не кончится, пока не надоест.  
Того, кто вас надкусит, но не ест,  
Считать героем всех народов и времён.

Марину тянет к умным, благородным и богатым,  
А к бедным и красивым хоть не тянет, но влечёт,  
И просто таки тащит к бородатым и усатым  
И к некрасивым тащит, но они уже не счёт.

А к лысым тянет Машу, Свету, Люсю и Наташу.  
У Маши и Наташи – новый лысый каждый день.  
И глушат они с лысыми портвейн за жизнь за нашу.  
С портвейном жизнь такая, что забавней нет нигде.

Она влезала в платья раньше легче, чем сегодня,

Хоть стали платья шире, а проём дверной тесней.  
Ну, на тебе! Чуть свистни, и сегодня, кто угодно,  
Хоть лысый, хоть кудрявый неизбежно будет с ней.

Пусть умных разобрали, и хороших, и красивых,  
Богатых тоже склеили заразы понаглей,  
Но лысых точно хватит всем. Дай бог девчонкам силы!  
А с лысыми и жить смешней, и по ночам светлей!



# Долблю траншею

Долблю траншею во дворе я в январе.  
Такой позор на все пятнадцать суток!  
А рядом мент с макаром в кобуре  
Мой скорбный труд достойно бережёт.

Смываю потом грязь с души, как суд решил,  
За то, что стёкла бил на мерседесах  
И на парковках ломиком крушил  
"лэндкрузеры", "линкольны" и "пежо" .

Ну, где они воруют, гады, бабки?  
Ведь вроде ж всё украдено до нас.  
Я гулькин хрен храню в надёжном банке,  
Я заложил в ломбард кота по пьянке  
И стул мо нехороший через раз.

И зло берёт, и жаба душит душу,  
И стул неважный, стол вообще плохой,  
Диван торчит пружинами наружу,  
На нём жена давно со мной не дружит  
И мучает меня вопрос такой:

Ну, где они воруют, гады, бабки?  
Ведь вроде ж всё украдено до нас?  
Я гулькин хрен храню в надёжном банке,  
Я заложил в ломбард кота по пьянке  
И стул мой нехороший через раз!

Да разве ж я противник мерседесов?  
Я даже как-то чей-то "лексус" мыл.  
Но нет прогресса в сфере интереса:  
Я на мопед копил, но не купил.

Возможно, пью я больше нормы пива,  
А сдать бутылки – целый год пройдёт.  
И вот гляжу я неприлично криво  
На скромных обладателей "тойот".

Имею ломик, фомку, арматуру  
И стёкла бью, пока не взяли, всласть.  
Рождая уходящую натуру,  
Считаю, жизнь покуда удалась.

Долблю траншею во дворе я в январе.  
Такой позор на все пятнадцать суток!  
Мой честный мент с макарон в кобуре  
На "лексусе" своём меня привёз.

А мимо нас плывут с понтами «хаммера»,  
Вон «бумер» чёрный мимо бог пронёс...  
Мне, в общем-то, не надо ничего,  
Но мучает меня такой вопрос:

Ну, где они, воруют, гады, бабки,  
Ведь вроде всё ж украдено до нас?  
Я гулькин хрен храню в надёжном банке,  
На этот хрен не купишь даже санки!  
И стул мой нехороший через раз...